

Клэр Макинтош

«Оказывается, есть люди, которых отчаянно любишь,
даже если тебе ненавистны их поступки...»

(He) преступление

Клэр Макинтош

После финала

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Макинтош К.

После финала / К. Макинтош — «Издательство АСТ»,
2019 — ((Не) преступление)

ISBN 978-5-17-119250-1

Жизнь счастливых супругов разбита: их сынишка, двухлетний Дилан, тяжело болен. Врачи считают, что помочь малышу невозможно. Убитая горем мать, Пипа Адамс, внутренне смирилась с неизбежностью страшной утраты. Однако отец, Макс, готов на всё, чтобы спасти ребенка – или хотя бы продлить его жизнь. Узнав о новом экспериментальном лечении в США, он намерен везти Дилана за океан... чему яростно противится Пипа, считающая, что это принесет сыну лишь новые страдания. Любящие супруги превращаются в непримиримых противников, каждый из которых уверен в собственной правоте. Начинается громкий судебный процесс. Неистовствуют соцсети. Что же будет с Диланом и его родителями дальше, после финала?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-119250-1

© Макинтош К., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	5
До суда	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	40
Глава 8	43
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Клэр Макинтош

После финала

Пролог

Лейла обводит взглядом зал суда. Движение заметно только среди горстки допущенных корреспондентов, фиксирующих каждое слово судьи. Все остальные сидят неподвижно, смотрят и ждут, поэтому у Лейлы возникает странное ощущение застывшего времени, словно и через год все по-прежнему будут сидеть на своих местах в ожидании приговора, который изменит жизнь стольких людей.

У Лейлы к горлу подступает комок. Если это так тяжело для нее, что же тогда должны испытывать родители Дилана, зная, что через несколько минут они услышат вердикт своему сыну.

Перед перерывом Макс и Пипа Адамс сидели на противоположных краях длинной скамьи позади своих адвокатов. Сейчас они занимают ту же скамью, но расстояние между ними сократилось настолько, что они могли бы коснуться друг друга.

Ближе к вынесению решения суда Лейла замечает какое-то движение. Трудно сказать, кто из них, Макс или Пипа, пошевелился первым. Похоже, они и сами не отдают себе отчета в том, что делают, но их руки, медленно преодолев разделяющее их пространство, находят друг друга.

Родители Дилана берутся за руки.

Судья начинает оглашать приговор.

Зал слушает, затаив дыхание.

До суда

Глава 1

Пипа

Дилану было шесть часов от роду, когда я заметила за его левым ушком пятно величиной с отпечаток большого пальца. Лежа на боку, я рассматривала сына, обнимая его тельце свободной рукой. Смотрела, как подрагивают его красивые губы, любовалась щечками и завитками ушей. А потом увидела это пятнышко цвета чая с молоком и улыбнулась как чему-то знакомому.

– У него твое родимое пятно.

Я показала его Макс, и он сказал, что теперь точно знает, что это его ребенок, и мы так громко смеялись, что заставили дежурную медсестру озабоченно выглянуть из-за шторы. Когда Макс ушел и в палате погасили свет, я дотронулась кончиком пальца до светло-коричневого пятнышка, объединяющего двух моих самых любимых людей, и подумала, что счастливее меня нет никого на свете.

Откуда-то из палаты доносится тихий плач, и женский голос нежно мурлычет в ответ. В коридоре слышится скрип резиновых подошв, и кулер в коридоре, булькая, отпускает очередную порцию воды, прежде чем шаги возвращаются обратно в палату.

Осторожно положив руку на голову Дилана, я приглаживаю его волосы. Они отрастают редким ежиком, совсем как у младенца, и я гадаю, станут ли они вновь волнистыми. Вернется ли их темно-русый цвет, который был у него в два года? Я провожу пальцем по его носику, стараясь не задеть тонкую трубку, протянутую через ноздрю в желудок.

Трахеальная трубка толще, чем питающая. Ее ввели Дилану через рот, закрепив пластырем на подбородке и над губами. На Рождество мы наклеили ему усы, выбрав самые пышные. И несколько дней, пока не запачкался пластырь, наш трехлетний сын снова вызывал у окружающих улыбки.

– Его можно трогать?

Я смотрю в другой конец палаты, куда поместили нового мальчика. Рядом с его кроватью, встревоженная и неуверенная, топчется его мать.

– Ну конечно, – подбадривающе улыбается ей дежурная сестра Шерил. – Возьмите его за руку, обнимите, поговорите с ним.

Здесь всегда дежурят по крайней мере две медсестры, и они регулярно меняются, но Шерил – моя любимица. У нее успокаивающие манеры, и она такая заботливая, что пациентам становится лучше от одного ее присутствия. В нашей палате лежат трое детей: восьмимесячная Дарси Бредфорд, мой Дилан и новый мальчик. На карточке, прикрепленной к спинке его кровати, фломастером написано имя – Лиам Слейтер.

Рядом с именем ребенка, как правило, размещается наклейка с каким-нибудь животным, и если дети, проходящие интенсивную терапию, чувствуют себя достаточно хорошо, они сами могут выбрать ее для себя. В детском саду у Дилана такие же картинки наклеены над крючками для одежды. Я выбрала для него кошку – Дилан очень любит кошек. Он так нежно гладит их по шерстке, широко распахнув глаза, словно удивляется такой невероятной мягкости. Однажды его поцарапал большой рыжий кот, и Дилан от неожиданности и огорчения сначала широко

раскрыл рот, а через секунду громко заплакал. И мне стало грустно, что теперь он будет опасаться того, что всегда приносило ему так много радости.

– Не знаю, что ему сказать, – дрожащим голосом шепчет мама Лиам.

Ее сын старше Дилана. Должно быть, он уже ходит в школу. У него курносый нос, веснушки и длинные волосы на макушке, а над ушами выбриты две тонкие полоски.

– Классная стрижка, – говорю я.

– У них в школе все так ходят, – с притворным осуждением объясняет она.

Я подыгрываю ей, недовольно морща нос.

– О боже... Мне все это только предстоит. Меня зовут Пипа, а это Дилан.

– Никки. И Лиам. – Ее голос срывается, когда она произносит его имя. – Жаль, что здесь нет Коннора.

– Вашего мужа? Он придет завтра?

– Ему надо на поезд. В понедельник утром рабочих забирают, и они возвращаются только в пятницу. Он всю неделю на стройплощадке.

– Он строитель?

– Штукатур. Сейчас он работает на большой стройке в аэропорту.

Она смотрит на Лиам, и ее лицо становится мертвенно-бледным. Мне знаком этот страх, который в тишине палаты лишь разрастается до немыслимых размеров. В онкологическом отделении атмосфера совсем другая. По коридорам бегают дети, в игровой комнате оживленно, и повсюду разбросаны игрушки. Дети постарше занимаются с учителями по программе образования, физиотерапевты работают с пациентами с нарушенной двигательной способностью. Ты по-прежнему переживаешь, как же может быть иначе – Господи, да ты просто в панике, – но за пределами палаты все немного иначе. Там шумнее и оживленнее. Больше надежды.

– Опять к нам? – говорят сестры, снова увидев нас. – Тебе здесь понравится, Дилан!

Но в их глазах я читаю другое: «Как жаль, что это опять случилось. Вы только не расстраивайтесь. У вас все будет хорошо».

Самое забавное, что ему и вправду здесь нравится. Дилан светится от радости, узнавая знакомые лица, и если бы его ноги могли ходить, он побежал бы по коридору в игровую комнату, забрался бы в башню, и издали никто бы не догадался, что у этого ребенка опухоль мозга.

Но это лишь издали. Вблизи все выглядит по-другому. Вблизи вы сразу обращаете внимание на шрам в левой части его головы, похожий на крючок от вешалки, – последствие внутричерепной операции, во время которой хирурги удалили Дилану опухоль. Замечаете его запавшие глаза и восковую обескровленную кожу. И, встретив нас на улице, вы невольно почувствуете жалость.

Но в детской палате никто не вздрагивает от жалости. Дилан один из многих, кто покрыт шрамами еще не выигранной войны. Может, поэтому ему здесь и нравится. Он такой же, как все остальные.

Мне тоже здесь хорошо. Мне нравится моя раскладная кровать рядом с кроватью сына. На ней мне спится лучше, чем дома, потому что здесь мне достаточно нажать на кнопку, и к нам тотчас же кто-нибудь прибежит. Тот, кто не запаникует, если Дилан вытащит одну из своих трубок; кто уверит меня, что язвы у него во рту со временем затянутся; кто улыбнется и скажет, что синяки – это вполне естественное последствие химиотерапии.

Никто и вправду не запаниковал, когда я в прошлый раз нажала на кнопку, но на этот раз они уже не улыбались.

– Пневмония, – сказала доктор, которая сопровождала Дилана на его первом курсе химиотерапии, когда мы с Максом, едва сдерживая слезы, просили друг друга сохранять мужество ради сына. Мы видели ее и на каждом последующем курсе, когда мы четыре месяца мотались между больницей и домом. – Химиотерапия может вызывать воспаление легких, поэтому ему так трудно дышать.

– Но ведь последний курс прошел в сентябре.

А сейчас уже конец октября. То, что осталось от опухоли после операции, больше не росло, и химиотерапию планировали прекратить. Дилан должен был пойти на поправку, а тут вдруг такое.

– В некоторых случаях осложнения могут развиваться даже спустя несколько месяцев. Кислород, пожалуйста.

Последние слова были обращены к медсестре, которая уже разворачивала маску.

Через два дня Дилана перевели в отделение педиатрической реанимации на искусственную вентиляцию легких.

В палате интенсивной терапии совсем другая атмосфера. Здесь тихо. Очень тяжело. Но привыкаешь и к этому. Ко всему можно привыкнуть, хотя легче от этого не становится.

Никки поднимает голову. Она смотрит на Дилана, и на секунду я вижу своего мальчика ее глазами. Я вижу его бледную влажную кожу, канюли на обеих руках и трубки, змеящиеся на обнаженной груди. Тонкие редкие волосы. Глаза, мигающие под веками, словно бабочки, трепещущие в западне ладоней. Я знаю, о чем думает Никки, хотя она ни за что не призналась бы в этом. Да и никто из нас тоже.

Она думает: «Мой уж точно не такой доходяга».

Заметив, что я смотрю на нее, Никки краснеет и опускает глаза.

– Что вы вяжете? – спрашивает она.

Из моей сумки торчит пара спиц и клубок ярко-желтой пряжи.

– Покрывало для Дилана.

Я показываю ей законченный квадратик.

– Я могу вязать только самые простые вещи. Шарфы или покрывала.

У меня готовы штук тридцать желтых квадратиков разных оттенков, которые я собираюсь сшить в одно целое. Достаточно количество для того, чтобы получилось покрывало на детскую кровать. Когда твой ребенок лежит в палате интенсивной терапии, у тебя появляется много свободного времени. Сначала я приносила с собой книги, но, перечитывая страницу за страницей раз по десять, так и не понимала, о чем там написано.

– В каком классе Лиам?

Я избегаю говорить о том, что случилось с детьми, попавшими в эту больницу. Иногда я догадываюсь, часто рассказывают родители, но сама никогда не спрашиваю. Вместо этого я интересуюсь их школьными делами или спортивной командой, которую они поддерживают. В общем, всем тем, что было в жизни детей до болезни.

– В первом. Он самый младший в классе.

У Никки трясется нижняя губа. Из дорожной сумки, стоящей у ее ног, выглядывает синий школьный джемпер. Теперь на Лиаме больничный халат.

– Вы можете принести ему пижаму. Здесь разрешают носить свою одежду, но только с метками. Иначе вещи теряются.

Шерил натянуто улыбается.

– Здесь и без того хватает проблем, чтобы еще разыскивать потерянные футболки, верно? – Я стараюсь говорить громче, чтобы вовлечь в разговор Аарона и Инь, дежурящих в палате.

– Да, мы порядком загружены, – улыбается Инь. – Пипа права, вы можете принести из дома одежду и любимую игрушку сына. Лучше что-нибудь легко отмывающееся, чтобы избежать инфекции, но если он скучает без своего мишки, можно принести и его.

– Я принесу Бу, – говорит Никки, поворачиваясь к Лиаму. – Принести тебе Бу? Ты ведь его любишь?

Ее голос звучит неестественно громко и высоко. Она еще не умеет разговаривать с ребенком, которого накачали снотворным. Это не похоже на тот безмятежный сон, каким забывается

заигравшийся ребенок, когда вы по дороге в свою спальню прокрадываетесь в детскую и шепчете ему на ушко: «Я тебя люблю». Стоите над ним, глядя на спутанные волосы, торчащие из-под одеяла, и тихо произносите: «Спи спокойно, карапузик. Тебя клопик не укусит...» Сейчас вы не услышите в ответ ни легкого вздоха сквозь сон, ни неразборчивого бормотания.

Раздается звонок, и рядом с кроватью Дарси вспыхивает лампочка. Инь пересекает палату, поправляет оксиметр на ее ножке, и лампочка гаснет. Уровень кислорода у Дарси приходит в норму. Взглянув на Никки, я замечаю, что она в панике.

– Дарси такая хитрюга, – объясняю я. Конечно, пройдет какое-то время, прежде чем ты перестанешь вскакивать от каждого звонка или сигнала. – Обычно по вечерам с ней сидят ее родители, но сегодня у них годовщина свадьбы и они отправились на мюзикл.

– А что они смотрят? – Инь побывала на «Вестсайдской истории» одиннадцать раз. К воротничку ее халата пришпилены значки «Призрака оперы», «Отверженных» и «Матильды».

– «Злую».

– О, потрясающая вещь! Я видела его с Имоджин Синклер в роли Глинды. Им точно понравится.

У восьмимесячной Дарси менингит. Был менингит. Еще одна причина, почему ее родители проводят все вечера в палате интенсивной терапии – менингит вызвал осложнения.

– Мой муж тоже уехал, – говорю я Никки. – Его работа связана с разъездами.

Я поворачиваюсь к Дилану.

– Папочки не будет на твоём празднике. Жалко, правда?

– У него день рождения? – спрашивает Никки.

– Гораздо лучше.

Я стучу по деревянному подлокотнику своего кресла. Машинальный жест, который я повторяю по сто раз на дню. И думаю обо всех родителях, которые сидели в этом кресле до меня. Об их наивной вере в приметы, заставляющей их пальцы стучать по дереву.

– Завтра Дилана снимают с искусственной вентиляции легких. Врачи пытались это сделать уже несколько раз, но эта маленькая обезьянка... Постучим по дереву, да?

– Постучим, – поддерживает меня Шерил.

– Значит, наступило улучшение? – интересуется Никки.

– Еще какое, – улыбаюсь я, поднимаясь.

– Ну, мой дорогой, я пойду, – говорю я Дилану.

Поначалу мне было неловко разговаривать с сыном в присутствии других. Я стеснялась. Это все равно, что говорить по телефону в офисе с открытой планировкой или в первый раз идти в спортзал, когда тебе кажется, что все смотрят на тебя. На самом деле окружающим нет до тебя никакого дела, они слишком заняты своими телефонными звонками, тренировками и собственными больными детьми.

Сначала ты с трудом начинаешь говорить со своим ребенком при посторонних, а через три месяца ты просто перестаешь замечать окружающих.

– Бабушка приедет к тебе в выходные. Здорово, правда? Она по тебе ужасно соскучилась, но все боялась ехать из-за своей простуды. Бедняжка.

У меня вошло в привычку все время болтать с Диланом. Я постоянно ловлю себя на том, что громко разговариваю с ним в машине, магазинах и дома, заполняя пустоту, где должны звучать фразы типа: «Смотри, какой трактор», «Пора спать» и «Смотри глазами, Дилан, а руками не трогай». Врачи утверждают, что с детьми надо больше разговаривать. Голоса папы и мамы для них – своего рода терапия. Но мне кажется, что привычка постоянно говорить с ребенком нужна скорее родителям. Это напоминает им о прошлой жизни, когда их дети еще не проводили долгие месяцы в больничной палате.

Опустив бортик кровати, я наклоняюсь над Диланом так, что наши носы соприкасаются.

– Эскимосский поцелуй, – тихо говорю я.

Сын никогда не дает нам забыть об этом поцелуе на ночь, сколько бы мы его не обнимали.

– Экиимо! – настаивает он, и я снова откидываю бортик кровати и наклоняюсь для вечерней церемонии, а он прижимает свой носик к моему и хватает меня за волосы.

– Мой любимый малыш, – произношу я.

Закрыв глаза, я представляю теплое дыхание на своей щеке, пахнущее сладким молочком. Завтра, думаю я. Завтра из него вынут трубку, чтобы больше уже не вставлять. Поцеловав его в лоб, я поднимаю бортик кровати, следя, чтобы он щелкнул, вставая на место.

– Спокойной ночи, Шерил. До свидания, Аарон и Инь. Завтра увидимся?

– Меня не будет три дня, – сообщает Инь, поднимая обе руки, словно в благодарении Богу.

– О, ты, кажется, поедешь к сестре? Желаю хорошо провести время.

Я смотрю на Никки Слейтер, которая подвинула свой стул поближе к кровати сына, чтобы положить голову рядом с ним.

– Постарайся отдохнуть, если сможешь. Нам всем предстоит долгий путь, – говорю я ей.

Я прощаюсь с медсестрами и с санитаром Полем, который перевез Дилана из онкологического отделения в интенсивную терапию и постоянно спрашивает о нем. Взяв пальто и ключи от машины, я иду на автостоянку, где опускаю очередные десять фунтов в парковочный терминал.

Если ваш ребенок находится в отделении интенсивной терапии, вы можете купить сезонный абонемент на парковку. Я всегда предупреждаю об этом родителей, чтобы они могли немного сэкономить. Особенно когда у них две машины, как у нас с Максом. Сутки парковки стоят десять фунтов, но за неделю вы платите всего двадцать, а за месяц – сорок. Я купила месячный абонемент в ноябре, а потом еще один в декабре, но, когда наступил январь, я просто не смогла себя заставить купить его опять. Это все равно, что признать свое поражение. Ведь мы не останемся здесь еще на один месяц? У Дилана, похоже, все стабилизировалось.

Мороз посеребрил асфальт. Я соскребаю лед с ветрового стекла футляром от диска Ареты Франклин и включаю на полную мощность отопление, чтобы убрать изморозь со стекол. Когда они наконец оттаивают, в машине становится так жарко, что мне приходится открыть окно, чтобы не заснуть за рулем.

Путь домой занимает чуть больше часа. В больнице есть помещения для родителей: три двухместные комнаты с крохотными кухоньками, которые выглядят новыми – кому придет в голову готовить, когда твой ребенок лежит в палате интенсивной терапии? Мы жили здесь почти весь ноябрь, пока Макс не вернулся на работу. Дилан находился в критическом, но стабильном состоянии, так что мы уступили комнату тем, кому она была нужнее. А я вполне могу ездить домой. Включив радио, я нахожу одну из моих любимых программ.

Она называется «Вырастить Би», и ее ведет женщина приблизительно моего возраста, мама девочки Би. Настоящего имени Би я не знаю, о ней известно лишь то, что у нее есть две сестры, она любит фортепьянную музыку, бархатные подушки и она полный инвалид.

Мы уже знаем, что у Дилана поврежден мозг, причем свою роль сыграла не только опухоль, но и операция по ее удалению. От одной этой мысли у меня перехватывает дыхание, словно это мне, а не Дилану нужна искусственная вентиляция легких. Так что передача «Вырастить Би» помогает мне обрести перспективу.

Би совсем не ходит. Большую часть времени она лежит на спине, глядя на сверкающую конструкцию, от которой по потолку разбегаются радуги. Ее сестры смастерили это чудо из компакт-дисков, которые они собрали у друзей, а мама Би нашла им ленту и пуговицы. Обсуждая, что и куда приладить, они спорили и советовались с Би. Мама со смехом рассказывала эту историю тысячам слушателей, которых она никогда не встретит, а я размышляла, сколько среди них таких, как я. Сколько матерей слушают ее со слезами на глазах, но с решимостью в душе, думая: «Я тоже так смогу. У меня все получится не хуже».

В доме темно и тоскливо, только мигает огонек автоответчика. Аккуратная стопка писем в холле говорит о том, что здесь побывала моя мама, так что в холодильнике наверняка стоит контейнер с лазаньей, а рядом с чайником лежит записка: «Мы тебя любим. М и П». Вдруг меня начинают душить рыдания. Мои родители живут в Киддерминстере, где прошло мое детство, в часе езды от Лимингтона, где мы с Максом купили дом. Они навещают Дилана дважды в неделю, но сейчас мама простудилась и не рискует ездить в больницу. Но в Лимингтон она по-прежнему навещается, чтобы убедиться, что ее дочь и любимый зять не голодают.

Мои родители влюбились в Макса так же быстро, как и я. Мама была очарована его акцентом, а папа – серьезностью, с которой он обещал заботиться об их единственной дочери. Поскольку все родные Макса живут в Америке, мама сочла своим долгом опекать нас обоих.

Есть уже слишком поздно, и я отправляю лазанью в морозилку, а себе наливаю чаю, чтобы выпить его в постели. В холле я останавливаюсь и оглядываю дом в призрачном свете, падающем с неба. Довольно странно покупать дом с четырьмя спальнями, когда нам нужны только две. Но Макс сказал, что это на будущее.

– У нас же может родиться целая футбольная команда.

– Пока и одного достаточно! – засмеялась я, еще не очень представляя себе Дилана, который пока сидел у меня в животе, уже несколько недель не позволяющем мне видеть свои ноги.

«Достаточно одного». У меня перехватывает дыхание.

Я открываю дверь в столовую и застываю в дверном проеме. Здесь будет новая комната Дилана. Год назад, как раз в это время, мы обсуждали, как переделать маленькую бело-голубую детскую, которая уже не подходила двухлетнему мальчишке, предпочитавшему футбол общению с кроликом Питером. *Год назад*. Кажется, все это было в другой жизни. Прикрыв глаза, я отмахиваюсь от бесконечных «если», укоризненно всплывающих у меня в голове. «Если бы ты заметила раньше. Если бы поверила материнскому инстинкту. Если бы не послушалась Макса».

Я открываю глаза и возвращаюсь к реальности. Дилану уже почти три года. Сейчас поднимать его еще легко, но через несколько лет он станет слишком тяжелым, чтобы тащить его наверх в спальню. В столовой достаточно места для инвалидного кресла, специальной кровати и подъемного устройства, если в нем возникнет необходимость. Я представляю, как над кроватью Дилана будет вращаться шар из сверкающих дисков, разбрасывая по потолку танцующие радуги. Закрыв дверь, я поднимаюсь в спальню и отправляю Максу сообщение.

«Сегодня хороший день. Все стабильно и никаких признаков инфекции. Наш мальчик настоящий боец! Постучим по дереву».

Я слишком устала, чтобы вычислять разницу во времени между нашими городами или вспоминать, когда он должен вылететь из Чикаго в Нью-Йорк – последний этап его командировки. В моей жизни был период, когда я могла бы точно сказать, который сейчас час в любой точке мира. В Нью-Йорке, Токио, Хельсинки или Сиднее. Могла бы подсказать, где пообедать, сообщить курс обмена валют, порекомендовать хороший отель. Бортпроводники в бизнес-классе не только разливают напитки и сообщают правила безопасности. Мы еще торговые агенты, шеф-повара и гиды. Консьержи в пятизвездочных отелях. Когда работа заканчивается, мы устраиваем вечеринку. Танцы, вино, пение... Отличное было время, но все это в прошлом. Когда появился Дилан, мне пришлось отказаться от дальних рейсов, тем более что Макс всегда был в разъездах. Так что я сменила свою стильную синюю форму на блестящий полиэстер, а роскошные путешествия – на бюджетные перелеты в Бенидорм. Перешла на неполную рабочую неделю. Я не была от этого в восторге, но выбора у меня не было. Я пожертвовала работой ради Дилана и нашей семьи. А потом, когда Дилан заболел, я и вовсе бросила работу, и вся моя жизнь будто застыла на месте.

Теперь мое место работы – палата интенсивной терапии. Я приезжаю туда к семи утра, еще до восхода солнца, и уезжаю, когда уже совсем темно и на дежурство давно вышла ночная

смена медсестер. Утром и днем я обхожу территорию больницы и ем бутерброды в комнате для родителей. Все остальное время я не отхожу от Дилана. Каждый день вот уже несколько недель.

Поднявшись наверх, я включаю телевизор. Когда Макса нет, в доме висит гнетущая тишина, а в моей голове постоянно что-то звенит и щелкает, словно я по-прежнему в больничной палате. Я нахожу какой-то черно-белый фильм, до предела убавляю звук и кладу подушку на то место, где спит Макс.

Врачи три раза пытались отключить Дилана от аппарата. Но он каждый раз начинал задыхаться, и им приходилось снова вставлять ему в горло трубку. Завтра они попробуют снова, и если Дилан сможет самостоятельно дышать, его путь домой сократится на несколько шагов.

Глава 2

Макс

– Будете что-нибудь пить, сэр?

У стюардессы ослепительно-белые зубы и глянцевые волосы. Мы только что вылетели из Чикаго, но я чувствую себя совершенно измотанным. Мой новый клиент – молодая фирма из Иллинойса с университетским финансированием, и от меня ожидают не только ведения их бизнеса, но и увеличения его как минимум вдвое. В первый день я представил им сразу несколько выигрышных вариантов, чтобы они убедились в том, что сделали правильный выбор, став сотрудничать со мной. Вечером я заказал столик в «Шва», и это, кажется, произвело на них впечатление. Когда мы наконец разъехались – «еще одну на дорожку?», – я вернулся в отель и сидел там до трех ночи, готовясь к следующему дню. А потом все повторилось.

– Похоже, мы в надежных руках, – заявил клиент, когда мы прощались, но мы оба знали, что они будут судить по результату. Как говорят англичане: чтобы оценить пудинг, надо его съесть.

Я мучительно зеваю. Три ночи недосыпа дают о себе знать. Все бы отдал ради того, чтобы отоспаться. До десяти месяцев Дилан спал всю ночь напролет, ничуть нас не беспокоя, но когда у тебя маленький ребенок, спишь совсем по-другому – каждый звук заставляет просыпаться. Иногда мне казалось, что малыш выбрался из кровати и потерялся где-то в глубине дома, и мои ноги сами спускались на пол раньше, чем мозг успевал сообразить, что это всего лишь сон. Но я все равно пересекал холл, останавливаясь на пороге детской, чтобы удостовериться, что мой мальчик действительно спит в своей кровати.

Но в отелях я отсыпался. Конечно, разница во времени давала о себе знать, но тихий номер с зашторенными окнами, мини-баром и завтраком, который тебе принесут утром, неизменно располагал ко сну.

– Ну, как ты съездил? – спрашивала Пипа, когда я возвращался из Феникса, Нью-Йорка или Торонто. – Отель был хороший?

– Неплохой. Но я там почти не был.

И это действительно было правдой. Наши клиенты платят нам большие деньги, но заставляют отрабатывать каждый цент. Зато в те недолгие часы, когда мне удавалось рухнуть в постель... Клянусь, я никогда не спал так крепко.

Сонное блаженство закончилось, когда заболел Дилан. Я снова стал видеть тревожные сны, но в них сын уже не терялся в доме или парке. Он оказывался под водой, и если я не находил его, он тонул, захлебнувшись водой. Я лежал без сна в кромешной темноте номера, мечтая оказаться в больнице или дома.

Смотрел репортажи Си-эн-эн, чувствуя оцепенение от чужого горя.

Заказав водку и кока-колу, я открываю ноутбук. Если мне удастся закончить отчет в самолете, я смогу работать дистанционно, проводя больше времени с Пипой и Диланом. Если удастся. Я смотрю на экран, но в глазах у меня песок, а мысли блуждают где-то очень далеко. Тогда я сворачиваю отчет и, перемещая палец по поверхности тачпада, открываю фотографии.

Когда родился Дилан, Пипа завела открытый альбом. Она добавляла туда новые фотографии каждый день, приглашая родных посмотреть. Хороший способ объединить людей, разделенных многими милями. Быстрый просмотр этих фотографий напоминает перелистывание анимированной книги, только вместо книжного героя – мой сын, превращающийся из младенца в маленького человечка, несущего черты мужчины, которым он в будущем станет.

Волосы, с которыми он родился, – такие же светлые, как у Пипы, – год назад стали темнеть, и, когда началась химиотерапия, пряди волос, остающиеся на его подушке, были уже такими же темными, как у меня. Но он по-прежнему был копией Пипы. Круглолицый, с большими карими глазами и длинными ресницами. «Щечки прямо как у хомячка», – говорила Пипа, смешно надувая свои.

Родственники оставляли под фотографиями свои комментарии: «Какой миленький! Похоже, он хорошо кушает», «Пипа, здесь он так похож на тебя», «У меня есть точно такая же фотография Макса на пляже», «Пожалуйста, пришлите нам, очень хочется посмотреть!»

Бабушек и дедушек, которые встретились только на нашей свадьбе, соединил через океан их единственный внук.

Каждое фото вызывает воспоминания. Дилан первый раз летит в самолете к бабушке Адамс в Чикаго. Ферма с домашними животными, дни рождения, День благодарения, крещение Дилана.

– Он разобьет не одно сердце, когда вырастет, – говорит стюардесса, забирая у меня пустой стакан. – Вы уже выбрали обед?

– Закуска из лосося и бифштекс.

Она улыбается, глядя на экран.

– Он такой милый.

Фото было сделано прошлым летом. На Дилане костюм пирата, поверх которого надета розовая юбка-пачка, которую он категорически отказывался снимать.

– Только на ночь, – пыталась убедить его Пипа, но потерпела неудачу, и Дилан три недели спал в розовой кисее, натянутой поверх пижамы с динозаврами.

– Так же выглядели некоторые женщины на моем вчерашнем рейсе с Ибицы, – заметила Пипа, когда мы с Диланом гуляли по парку Паквуда. Его юбочка совсем не вязалась с шортами и майкой.

– Куриная вечеринка¹?

Это выражение все еще резало мне ухо даже после десяти лет жизни среди англичан. Мои американские коллеги считают меня англичанином, а англосаксы утверждают, что я типичный янки. Пипа же больше не видит разницы.

– Для меня ты просто Макс, – повторяет она.

Мы завернули в сад с подстриженными деревьями, где на лужайке стояли столетние тисы, похожие на громадные шахматные фигуры. Раскинув руки, Дилан побежал между ними, изображая собой аэроплан.

– Ну да, девичник. Пачки, парики и выпивка еще до того, как погасла надпись «Пристегните ремни». Дамы оказались слишком прижимистыми, чтобы оформить групповое бронирование, позволяющее им сидеть рядом, поэтому весь полет они бегали по проходу и торчали друг у друга на коленях.

Дилан спрятался за огромным деревом, а я с криком «Бу!» побежал в обратном направлении, заставляя его визжать от восторга.

Для предсвадебных торжеств мы с Пипой выбрали усредненный англо-американский вариант, позаимствовав традиции с обеих сторон Атлантического океана.

Устроили вечеринку в пабе, нечто среднее между смотринами, мальчишником и обедом накануне свадьбы.

Мы попросили не дарить нам никаких подарков, но их все равно натащили или прислали уже после свадьбы.

¹ Hen party – традиционный свадебный девичник в Великобритании, на который девушки наряжаются так, чтобы в наряде у каждой присутствовал элемент розового цвета. (Прим. ред.)

– Этого требует этикет, – объяснила Пипа, когда мы сидели за кухонным столом, заставленным тщательно упакованными коробками. – Люди будут чувствовать себя неловко, если что-нибудь нам не подарят.

– Еще невежливей игнорировать пожелания молодоженов.

– Возможно, все это было сделано ради меня, – заявила Пипа, искоса посмотрев на меня. – Они думают, что красивая хрустальная ваза как-то примирит меня с тем печальным обстоятельством, что я вышла замуж за кошмарного американца, который пытается лишить меня подарков и запрещает надевать на девичник симпатичный лохматый паричок.

Я обхватил ее и стал щекотать, потом мы перешли к поцелуям, которые закончились тем, что мы сгребли подарки в сторону, освободив стол для более приятного занятия.

– Сколько ему? – с улыбкой спрашивает стюардесса.

– В мае исполнится три. Мы сделали это фото прошлым летом.

– Они так быстро меняются. Сейчас он, наверное, совсем другой.

Я вымученно улыбаюсь, и стюардесса уходит за моим обедом, оставив в воздухе цветочный шлейф духов. Пипа сразу определила бы, что это за аромат. Она разбирается в парфюме, как некоторые люди в автомобилях или в музыке.

– «Черный гранат» от Джо Малон? – спрашивает она кого-нибудь в лифте.

И они еще называют американцев прямолинейными!

Она мне сразу понравилась. Я летел домой в Чикаго после встречи с клиентом в Лондоне, хотя сейчас направление моих полетов кардинально поменялось. У нее были самые длинные ресницы, которые я когда-либо видел в жизни. Размышляя о том, как женщинам удастся их отрастить, я совсем забыл про горячее полотенце для рук, которое она терпеливо держала передо мной.

Позже, когда мы встретились в баре на Ривер-Норт, после трех коктейлей я отдал должное ее ресницам.

– Они накладные, – засмеялась Пипа.

Я почувствовал себя шестнадцатилетним мальчишкой, который только что узнал, что девушки подкладывают вату в бюстгальтер и обожают искусственный загар. Но мне было двадцать восемь, и у меня уже имелся кое-какой опыт. Я знал о существовании накладных ресниц, но не представлял, что они могут выглядеть так круто... В общем, я был поражен тем, насколько великолепна она была.

Пипа положила руки себе на голову.

– А еще у меня парик.

И она подвигала свои волосы взад-вперед.

– Но лицо-то у тебя настоящее!

Еще один взрыв смеха. Когда Пипа смеется, ее лицо просто светится. На ее щеках появляются ямочки, а нос забавно морщится, заставляя тебя смеяться вместе с ней.

– Вообще-то мне все равно, – беспечно заявил я.

– Даже если я совсем лысая?

Тогда я поцеловал ее прямо посреди бара, и... она поцеловала меня в ответ.

На этот борт я попал совершенно случайно. Забронировал билет на рейс американской авиакомпании, но его отменили, и меня перебросили на «Бритиш Эйрвейс».

– Представь себе, – сказал я ей после нашей помолвки, – если бы мой рейс не отменили, мы с тобой никогда бы не встретились.

– Ну, встретились бы в другом месте, – возразила она. – Чему быть, того не миновать.

Позже, когда она летела в Чикаго, мы пересеклись с ней снова, а затем еще раз, когда в Лондоне мне пришлось несколько часов ждать своего рейса, а Пипа как раз закончила работу. Я почувствовал, что все чаще скучаю по ней, а она призналась, что ей тоже меня не хватает.

– А ты не мог бы переехать? – как-то спросила она.

– В Англию? – с притворным ужасом произнес я.

Но к тому времени я уже влюбился и считал, что вполне могу работать и в Великобритании. А все остальное уже частности.

Я продолжаю просматривать фото. Дилан с футбольным мячом, с велосипедом, с золотой рыбкой, которую мы выиграли на ярмарке. На каждой картинке запечатлен момент из прошлого, которого уже не вернуть.

Ежедневное фотографирование закончилось в октябре. Когда Дилан заболел, Пипа какое-то время продолжала его снимать. Вот он худеет, вот теряет волосы, вот стоит на пороге онкологического отделения, подняв вверх два больших пальца. Говорит по больничному радио, играет с друзьями в комнате в конце коридора. Но когда у Дилана началась пневмония и его перевели в палату интенсивной терапии, один день стал похож на другой, и фотографии перестали отражать какой-либо прогресс.

Я читаю послание Пипы, которое она отправила мне вчера вечером: «Наш сын настоящий боец!»

История моих сообщений – это срез нашей жизни в текстах и картинках. Расписание полетов, фото аэропортов, усталые селфи и глупые смайлики. И фотографии. Те, что никогда не увидят наши родители. Они понятны только нам и подчас заменяют слова. Бокал вина, пустая подушка, автомобильное радио, играющее «нашу» песенку. Анализ крови Дилана, трубка, через которую его кормят, этикетки новых лекарств. Когда у меня бессонница, я залезаю в гугл и ищу там лекарства, которые дают хорошие результаты.

Вечерами, скучая по дому и страдая от разницы во времени в каком-нибудь богом забытом баре, я просматриваю нашу переписку до болезни сына, пока меня не начинает клонить в сон. Это похоже на то, будто я слушаю разговор двух людей, которых когда-то знал, но потом потерял с ними связь.

«Вернусь в восемь. Закажем что-нибудь готовое, разопьем бутылку и займемся сексом. Ди спит?»

«И это ты называешь сексом, дурачок?»

Улыбнувшись, я продолжаю просмотр.

«Эта чертова собака лаяла целый час!»

На самом деле нас совсем не заботила соседская собака. Какой-то час неудобства никак не мог омрачить нашу тогдашнюю счастливую жизнь. Но последние шесть месяцев внесли в нее свои горькие коррективы.

– Ваша закуска, сэр.

Отложив телефон, я перекладываю ноутбук на соседнее свободное кресло. Стюардесса ждет, пока я освобожу столик.

– Прошу прощения.

– Нет проблем. Может быть, вина к ужину?

– Красного, если можно.

Если бы не Дилан, Пипа по-прежнему работала бы на трансатлантических линиях. Наливала бы вино уставшим фирмачам из бизнес-класса и поправляла макияж в середине полета. Она скучала по своей работе, по большим лайнерам и долгим перелетам, но никогда не жаловалась.

– Для Дилана лучше, когда я на ближних рейсах, – говорила она.

Теперь кажется, что она никогда не работала, что все свое время она проводила в больницы палате.

Я завидую Пипе – она постоянно рядом с Диланом, но в то же время не знаю, смог бы я сделать так же. Мои отлучки подпитывают меня, давая силы для дежурства в больнице. Нормальная еда во время поездок компенсирует те моменты, когда я вообще ничего не ем. Вид

здоровых счастливых людей напоминает мне о нашей прошлой жизни, которая обязательно вернется.

– Как ваша семья? – спросил меня в прошлом месяце нью-йоркский клиент, пожимая мне руку.

– Отлично! – ответил я, чтобы не ставить его в неудобное положение. Тогда я еще мог делать вид, что это действительно так.

Я смотрю на стюардессу, идущую по проходу. Она останавливается, чтобы наполнить чей-то стакан. В кухне она снимает туфлю и потирает пятку, разговаривая с кем-то, кого я не вижу. Потом смеется над чьей-то шуткой. На меня накатывает тоска по дому, вызывающая физическую боль.

Когда Дилан заболел, я забросил работу. Мой почтовый ящик был переполнен, а телефон постоянно мигал, напоминая о непрослушанных голосовых сообщениях. Дни и ночи напролет мы проводили в больнице, не ели и не спали. А потом врач Дилана отвел нас в сторону:

– Отправляйтесь домой. Поешьте и отдохните.

– Но Дилан...

Доктор был непреклонен.

– Вы ничем ему не поможете, если заболите сами.

В последующие недели этот совет мы слышали неоднократно, а потом и сами стали давать его родителям новых пациентов. «Отдохните. Вы должны сохранять силы ради вашего ребенка. Вам предстоит марафон, а не бег на короткую дистанцию».

Мы оба неделями не появлялись на работе. Начальник Пипы проявил редкое великодушие. Он отправил ее в бессрочный отпуск по семейным обстоятельствам, который оплачивался первые шесть недель, и в любой момент он был готов взять Пипу обратно. «У вас чрезвычайные обстоятельства. Нам всем очень жаль, и мы готовы оказать вам любую помощь».

Моя компания дважды в год устраивает семейные праздники, на которых рядовые сотрудники фотографируются, раздают конфеты гостям и играют в баскетбол с раздетыми подростками, делающими вид, что им очень весело. В прошлом году «Форбс» включил нас в список из двадцати пяти американских компаний, которые максимально заботятся о своих сотрудниках.

Когда я сказал Честеру, что у моего сына опухоль мозга, он дал мне три дня отпуска. Я использовал свой очередной отпуск, взял недельный отпуск из-за фиктивного гриппа, а потом просто ушел в самоволку. Когда я наконец прослушал голосовую почту, все послания были от Честера, причем каждое последующее лаконичнее предыдущего: «Что я должен говорить клиентам, Макс?» «Шульман грозит уйти к конкурентам», «Где ты, Макс, черт бы тебя побрал?»

Я хотел бросить работу, но Пипа меня остановила.

– Как же мы будем жить?

– Я найду другую работу, – ответил я, понимая, что не могу себе этого позволить.

В этой компании у меня все отлично получалось. У меня был гибкий график и относительная свобода. Меня ценили и хорошо платили.

В общем, я вернулся на работу.

Никто не знает, что понадобится Дилану, когда он вернется домой. Возможно, инвалидное кресло. Специальное оборудование. Постоянная сиделка. И все это очень дорого стоит. Короче, мне нужна эта работа. И, честно говоря, я бы не смог проводить все время в больнице, как это делает Пипа. Не знаю, как она со всем этим справляется.

Стюардесса забирает моего нетронутого лосося, ставя передо мной бифштекс с овощами и крошечным соусником с подливкой. Я не голоден, но все равно начинаю есть, скашивая глаза на ноутбук, чтобы не терять ход мыслей. Убрав опустевший контейнер, стюардесса предлагает мне сыр, десерт, кофе и еще вина. Я беру кофе. Пассажиры, закончив есть, раскладывают свои

кресла. Стюардессы раздают дополнительные подушки, запечатанные одеяла и легкие закуски. В салоне становится темно.

Я отчаянно борюсь с усталостью. «Давай, заканчивай отчет, ведь завтра ты идешь к своему мальчику. К сыну, который – да поможет ему Бог – начнет самостоятельно дышать».

Я смотрю на часы. В Англии уже наступил завтрашний день. Я выпрямляюсь и стараюсь сосредоточиться. Сегодня Дилана отключат от аппарата искусственного дыхания.

Глава 3

Лейла

Будильник Лейлы Халили звонит в пять тридцать. От окон веет холодом, даже несмотря на отопление, которое она включает на ночь, чтобы ее мать немного акклиматизировалась. Здесь всего на десять градусов холоднее, чем в Тегеране, но для семидесятидвухлетней Хабибы Халили каждый градус отдается болью в костях.

Когда Лейла спускается вниз, она застаёт мать в гостиной. На ней мятно-зеленый велюровый спортивный костюм, в котором она обычно ходит дома.

– Мама! Сколько раз я тебе говорила? Тебе не надо вставать вместе со мной.

По телевизору безукоризненно накрашенная женщина в лимонном костюме демонстрирует антипригарные качества набора сковородок. Хабиба обожает телемагазины, особенно те, где предлагают всякую кухонную утварь. За последние две недели кухня Лейлы пополнилась спиральной овощерезкой, ножом для удаления сердцевины ананасов и двадцатью различными тряпочками из микрофибры.

Хабиба целует дочь.

– Я приготовила тебе пакет с едой, возьмешь с собой на работу. Что ты хочешь на завтрак?

– Только чай. Но я сама его заварю. А ты возвращайся в постель.

– Сядь!

Толкнув дочь на стул, Хабиба кипятит воду и ополаскивает заварочный чайник, который Лейла достаёт только тогда, когда приходят гости.

– Мама, мне некогда завтракать.

Лейла не говорит матери, что на обед у нее тоже не будет времени, так что котлеты с маринованными огурцами, которые Хабиба заботливо уложила в пакет, так и пролежат до конца рабочего дня у Лейлы в сумке, пока она не съест их на ходу, направляясь к своему велосипеду.

Лейла выпивает чай с куском лепешки, смазанным знаменитым клубничным вареньем Хабибы.

– Мне пора идти. Ты сегодня пойдешь гулять?

– Не знаю. У меня полно дел. Твои окна – это просто позор.

– Мама, пожалуйста, не нужно мыть окна. Лучше иди прогуляйся.

Велосипед Лейлы посеребрил мороз. Ее соседка, Вильма Донахью, машет ей рукой из окна своей спальни. Сейчас только половина седьмого, но людям почему-то не спится. Когда Лейла выйдет на пенсию, она уж точно будет высыпаться каждый день. Девушка машет в ответ, но Вильма, показав на тротуар, исчезает и через некоторое время спускается вниз. Лейла смотрит на часы. До места работы двадцать минут езды на велосипеде, а ее смена начинается лишь ненамного позже.

– Доброе утро, дорогая. Я просто хотела спросить, как там твоя мама. Я что-то не видела ее на распродаже домашней выпечки.

Вильма уже полностью одета: толстый кардиган поверх свитера тщательно застегнут на все пуговицы.

– Мне очень жаль.

Хабиба живет здесь уже две недели, но она еще ни разу не выходила из дома. Лейла долго уговаривала свою мать приехать в Англию. Еще дольше она убеждала власти дать разрешение. И теперь Лейла опасается, что все шесть месяцев, предусмотренных визой, мать просидит в ее таунхаусе в пригороде Бирмингема.

– Я заскочу к ней позже, ладно? На чашечку чая.

– Спасибо, Вильма, это очень мило с твоей стороны.

Сняв с седла цветастую шапочку для душа, защищающую его от воды, Лейла бросает ее в старомодную корзинку у руля.

– Если она не откроет дверь...

– Я не обижусь, – смеется Вильма.

Лейле нравится ездить на работу на велосипеде. Смотреть, как меняется пейзаж, когда пригороды вливаются в город; лететь мимо стоящих в пробках машин с их водителями, нетерпеливо барабанившими пальцами по застывшим рулям. Перед рабочим днем без дневного света с наслаждением вдыхать свежий воздух раннего утра. К тому же велосипед ей заменяет спортзал, на который у нее никогда не хватает времени. Бывают дни, когда катить на велосипеде по Бирмингему одно сплошное удовольствие: например, через парк Хайбери и мимо Центральной мечети с полумесяцами на минаретах. А есть и такие, как сегодня.

Дождь бьет Лейле прямо в лицо, и ледяная вода стекает на промокший шарф, забираясь под футболку. Мокрые брюки липнут к ногам. В кроссовках полно воды, и ее ступни совсем онемели. Недостаток сна делает ноги тяжелыми, и каждый поворот педалей дается Лейле с трудом.

Мимо проносится серебристая машина, чиркая боковым зеркалом по рукаву ее куртки. Затем еще одна подрезает ее на ходу, и Лейла чудом избегает столкновения. Сердце сжимается от страха. Этот участок дороги недостаточно широк для обгона, но это не мешает водителям пытаться это делать.

Ее опять обгоняет машина, а затем еще одна. Лейла оглядывается, чтобы посмотреть, едет ли сзади кто-то еще, и теряет контроль над передним колесом. Машины отчаянно сигналият, но проносятся мимо, чтобы проскочить, пока не случилась авария, которая может их задержать.

Лейла ударяется плечом об асфальт, но инстинкт подсказывает ей, что все обойдется синяком, а не закончится переломом. Потом та же участь постигает ее голову и все тело, а воздух оглашается произвольным ругательством.

Слышится звон металла и визг шин по асфальту. Голова приказывает ей подняться, но тело не подчиняется. Кто-то удерживает ее на месте.

– Лежите и не двигайтесь. Кто-нибудь может вызвать скорую?

– Мне не нужна скорая, я в порядке.

Женщина в синей куртке с капюшоном стоит на коленях перед Лейлой и смотрит вверх на кучку собравшихся зевак.

– Мой велосипед...

– Забудьте о своем велосипеде! – властно говорит женщина. – Не двигайте головой, у вас может быть сломана шея. Вызывайте скорую! – кричит она опять.

– Шея у меня не сломана.

Лейла чувствует лишь тупую боль в плече. Она шевелит пальцами рук и ног, убеждаясь, что они в порядке. Внезапно почувствовав приступ клаустрофобии, она отстегивает шлем и отбрасывает его в сторону.

– Не снимайте шлем! – вопит женщина, и Лейла, засомневавшись, уже готова надеть его обратно. Потом она снова пытается встать.

– Я могу помочь?

По другую сторону от Лейлы стоит мужчина. Она поворачивает голову, чтобы рассмотреть его, но женщина в капюшоне снова ее осаживает.

– Скорую уже вызвали. Я окончила курсы оказания первой помощи.

– Я медработник, – говорит мужчина. – Дайте мне осмотреть ее, а потом решим, кого именно вызывать.

– Но вы не в форме.

– Я пока только еду на работу.

Он показывает документ, и Лейла узнает знакомые цвета больничного удостоверения.

– Она сняла шлем, хотя я говорила ей не делать этого.

– Дальше я сам разберусь.

Он обходит Лейлу и опускается на колени, тем самым не оставив женщине выбора, кроме как убраться с его пути. Лейла слышит, как она что-то бормочет стоящим рядом.

– Шлем снимать нельзя. Я же сказала ей...

– Привет, меня зовут Джим, – улыбается мужчина. – А вас как?

– Лейла Халили. Я врач. И со мной все в порядке.

Джим округляет глаза.

– О, врачи самые сложные пациенты. За ними идут дантисты, они все знают лучше всех.

Правда, остальная публика немногим лучше: сейчас все больше доверяют доктору гуглу, чем дипломированным специалистам.

Продолжая говорить, он осторожно ощупывает Лейлу: голову, шейный отдел позвоночника, уши и нос. Потом отодвигает шарф и пробегает пальцами по ключицам. Лейла чуть слышно ахает.

– Больно?

– Нет. Просто пальцы у вас чертовски холодные.

Джим добродушно смеется.

– Простите.

В его карих глазах сверкают золотые искорки, а на носу в тон им рассыпаны веснушки.

– Я приземлилась на левое плечо. Там просто синяк.

Толпа постепенно рассасывается. Слишком незначительное происшествие, чтобы мокнуть ради него. Джим продолжает методически осматривать пострадавшую. Он без пальто, и его пшеничные волосы уже потемнели от дождя.

Выпрямившись, он сообщает:

– Всего-навсего гематома.

– Я и сама знаю, – раздраженно бросает Лейла, но сразу же улыбается, чтобы сгладить неловкость. На его месте она поступила бы точно так же.

Ухватившись за предложенную ей руку, она бодро вскакивает на ноги. Женщина в капюшоне подкатывает к ней велосипед, который не слишком пострадал: всего лишь погнутый брызговик и свернутая набок корзина.

– Спасибо за помощь, – благодарит Лейла их обоих.

– Я отменю вызов скорой, – говорит Джим. – Могу добросить вас до работы, кидайте свой велосипед ко мне в багажник.

– Спасибо, но я...

Лейла осеклась. Плечо болело все сильнее, она промокла, замерзла и опаздывала на работу.

– Это было бы здорово.

Опустив задние сиденья в своем пассате, Джим легко пристраивает там велосипед Лейлы.

– Извините за беспорядок.

Он сгребает кучу одежды с переднего сиденья и перебрасывает ее назад. Пол завален пустыми бутылками из-под воды, обертками от сэндвичей, пакетами из «Макдональдса» и чем-то хрустящим под ногами.

– Пару недель назад мне пришлось съехать с квартиры, а новую я пока не нашел. Ночую у друзей, но живу практически в машине... какой уж тут порядок.

– Я могу одолжить вам свою матушку.

– Она любит прибираться?

– Едва я ставлю на стол пустую чашку, через десять секунд она уже вымыта и отправлена в шкаф.

– С такой соседкой не пропадешь, – смеется Джим. – Здесь вам будет удобно выйти?

Остановив машину у автобусной остановки рядом с больницей, он вытаскивает велосипед и поправляет брызговик.

– Но вы все-таки покажите его мастеру, так, на всякий случай.

– Я так и сделаю. Еще раз спасибо.

По пути в палату Лейла заглядывает в неврологическое отделение. Там, в большом кабинете со стеллажами, она застаёт своего руководителя Ника Армстронга, который читает чью-то историю болезни, откинувшись на спинку стула, так что тот балансирует на двух ножках. Увидев Лейлу, он наклоняется вперед, и стул с глухим стуком приземляется на все четыре.

– Что случилось?

Взглянув на свои ноги, Лейла видит, что джинсы заляпаны грязью.

– Упала с велосипеда.

Пошарив в рюкзаке, она достает кодеин и проглатывает таблетку, не запивая ее водой.

– Но все обошлось. Ты, конечно, еще не ел?

Достав из рюкзака два контейнера, Лейла пускает их по столу.

– Котлеты. Коронное блюдо моей матушки.

– Как она?

– Это сводит меня с ума. Она сидит дома и не хочет никуда выходить.

– Еще будешь скучать, когда она уедет.

Лейла оглядывает кабинет. Стеллажи забиты книгами, на стенах фотографии жены и четырех взрослых детей. На подоконнике позади Ника стоит фотография, где он запечатлен рядом с королевой в день получения ордена Британской империи в две тысячи пятом году. С тех пор он не слишком изменился, разве что добавилось несколько морщинок, и его лоб стал казаться выше за счет изменившейся линии роста волос. Костюмы у него по-прежнему мятые, а галстуки вечно съезжают в сторону. Сегодня он выглядит особенно помятым.

– Сколько ты уже здесь?

Ник смотрит на часы.

– Пять с половиной часов. Инсульт – субарахноидальное кровоизлияние.

– Ты вообще не спал?

– Пару часов прикорнул на столе. Никому не советую.

Он потирает шею.

– А что с пациентом?

– Умер.

Ник берет за котлету.

– Потрясающе. Из чего это сделано?

– Говяжий фарш с картофелем обмазывают сырым яйцом и обваливают в сухарях, а потом жарят. Между прочим, от них толстеют.

Лейла усмехается. Высокий и тощий Ник обладает завидной способностью поглощать все что угодно, не прибавляя в весе. С Лейлой все обстоит наоборот. У нее пышные формы, и она полнеет от одного взгляда на выпечку.

– Сегодня загружена под завязку?

– Разве у нас бывает иначе? Утром удаляем трубку у Дилана Адамса.

Ник морщит лоб.

– Напомни мне.

– Три года. Медуллобластома.

– У него пневмония?

– Именно. Мы уже три раза пытались снять его с искусственной вентиляции легких, но в течение суток приходилось подключать его обратно.

– Дыхательный рефлекс?

– Не нарушен.

– Выделения?

– В норме. Он практически готов дышать самостоятельно. Последние сорок восемь часов мы ослабили давление и вентиляцию – реакция была нормальной.

– Желаю удачи, – бормочет Ник с набитым ртом.

Лейла молчит. Ее мучают дурные предчувствия.

Подходя к своему отделению, она слышит громкие голоса и невольно ускоряет шаг. В палате № 1 Шерил пытается успокоить мужчину с бычьей шеей и толстым животом, на котором едва не лопаются майка футбольного болельщика.

– Я уже сказала, что не могу этого сделать.

– Тогда позовите чертового доктора, который сможет!

– Всем доброго утра, – улыбается Лейла, словно не замечая перепалки.

Рядом с Шерил, сжав кулаки, стоит Аарон, готовый броситься в драку.

Одна рука Пипы Адамс лежит на подушке сына. В другой она держит мягкую щеточку для волос, какими обычно причесывают младенцев, и осторожно проводит ею по редкому пуху на его голове – остатку от темно-русого облака кудрей, которые можно видеть на фотографии, висящей над кроватью.

«Дилан Адамс, три года. Медуллобластома».

В памяти Лейлы, словно титры на экране, автоматически всплывают подробности.

По другую сторону от кровати Дилана стоят родители Дарси – Алистер и Том Бредфорды.

«Дарси Бредфорд, восемь месяцев. Инфекционный менингит».

– Ну, как спектакль? – спрашивает их Лейла, чтобы разрядить атмосферу.

– Просто замечательный, спасибо, – улыбается Алистер.

– У вас вчера была годовщина свадьбы? Поздравляю.

С другого конца палаты раздается презрительное фырканье, и Лейла вдруг понимает, в чем дело, хотя предпочла бы ошибиться. Она подходит к кровати Лиамы Слейтера, рядом с которой стоит его мать Никки и пузатый мужчина – вероятно, ее муж.

– Доктор Лейла Халили. Я врач Лиамы, – представляется Лейла, подавая мужчине руку.

Тот пристально смотрит на Лейлу. Ей становится не по себе, но она выдерживает его взгляд и не опускает руку, пока не становится ясно, что он не собирается ее пожимать.

– Это Коннор, – дрожащим голосом объясняет Никки. – Отец Лиамы.

На шее у Коннора пульсирует вена. От него пахнет потом и пивным перегаром.

– Я хочу, чтобы Лиамы перевезли.

«Лиам Слейтер, пять лет. Приступ астмы. Состояние критическое, но стабильное».

– Перевезли? Мистер Слейтер, ваш сын серьезно болен. И ему лучше находиться в отделении интенсивной...

– Не учите меня, доктор, – грубо обрывает ее Коннор. – Я хочу, чтобы его перевели в другое место. Подальше от этих людей.

Он презрительно кивает в сторону Тома и Алистера Бредфордов.

Лейла делает недоуменный вид.

– От каких людей?

Она надеется, что Коннор Слейтер не решится оскорбить их, но его опережает Том Бредфорд:

– Подальше от этих геев, он имеет в виду.

В голосе Тома слышится насмешка, и Коннор стискивает зубы.

– Это правда, мистер Слейтер?

Лейла врач и не занимается нравственным воспитанием родителей, но в ее вопросе звучит неприкрытое осуждение. Она вспоминает, как Дарси поступила в больницу с заоблачной температурой и характерной сыпью, покрывавшей все ее крошечное тельце, и она заметила, как тогда Алистер и Том в панике сцепили руки так сильно, что костяшки их пальцев побелели. Как любые родители, они очень боялись за своего ребенка.

– Я хочу, чтобы его перевели отсюда, – сжав кулаки, резко бросает Коннор.

Его глаза красные и опухшие. Некоторые родители, не скрываясь, рыдают в палате. А есть такие, кто скорее умрет, чем расплатится на людях. Похоже, Коннор Слейтер относится к последней категории.

– Боюсь, что это невозможно.

– Удивляюсь, как Том с Алистером не теряют самообладание, когда вы говорите о них в такой отвратительной манере, – замечает Пипа. – Это еще раз доказывает, что они в высшей степени достойные люди.

– Спасибо, дорогая, вы и сами просто прелесть, – жеманно произносит Том, манерно помахав ей рукой.

Раньше Лейла за ним такого не замечала.

Алистер закатывает глаза:

– Зря стараешься, Том.

– Я не допущу, чтобы мой сын видел все *это*, – рявкает Коннор, побагровев.

От ярости он с трудом подбирает слова.

Аарон делает шаг в его сторону.

– Хватит, приятель, ты не можешь тут...

– Никакой я тебе не чертов приятель!

Посетитель, проходивший мимо двери, останавливается и с изумлением смотрит на происходящее. Лейла поднимает руки ладонями вверх.

– Довольно! Это больница, мистер Слейтер, здесь находятся тяжелобольные дети, и их родители напуганы. Ваше поведение неприемлемо.

– Я плачу налоги...

– За что Национальная система здравоохранения вам весьма признательна. У нас нет свободных коек, мистер Слейтер. Лиаму поместили сюда, потому что он в этом нуждается. И он будет переведен отсюда только по медицинским показаниям, а не в связи с чьими-то персональными предпочтениями. Особенно когда такие предпочтения оказываются в лучшем случае вздорными, а в худшем – оскорбительными и гомофобными.

Лейла резко останавливается, не желая переходить черту. Но, возможно, она ее уже перешла.

Теперь у Коннора багровеет даже шея. Он криво улыбается и морщит лоб, а затем, пожав плечами, бросает взгляд на жену.

– Ни черта не разберу, что она там говорит. А ты?

Лейла снова смотрит на покрасневшие глаза Коннора, напоминая себе, что он балансирует на грани, за которой может потерять ребенка, и что он зол на весь мир, а вовсе не на нее.

– Мистер Слейтер, я не стану переводить отсюда Лиаму, – медленно и четко произносит она.

– Простите, не могу... Это из-за вашего акцента, дорогая.

Кто-то позади Лейлы возмущенно ахает. Вероятно, Пипа. Но Лейла остается невозмутимой. Коннор Слейтер не первый и не последний.

– Может быть, вы хотите поговорить с другим врачом?

– Да, хочу, – произносит Коннор с плохо скрываемым торжеством.

Похоже, на этот раз он ее отлично понял.

– Это не проблема. Сейчас как раз дежурит доктор Томаш Лазовски. А еще есть доктор Рехан Кюреши.

Их взгляды скрешиваются, как мечи, и Коннор терпит поражение.

– Пойдем поедим чего-нибудь, – бросает он жене.

Она покорно плетется за ним, и, когда дверь закрывается – к огорчению Коннора, доводчик мешает ему хлопнуть дверью, – в палате раздаются аплодисменты.

– Bravo, доктор Халили.

Смутившись, Лейла берет карту Лиамы и начинает внимательно ее изучать.

– Он просто напуган, вот и все.

– Мы все здесь напуганы, – тихо произносит Пипа.

– Вы были великолепны, – с жаром восклицает Том.

Лейла задумывается о том, что же на самом деле чувствуют Том и Алистер, когда слышат подобные нападки. Задевает ли их это или они, подобно ей, давно выработали к ним иммунитет?

– Не уверена. Мне только жаль, что это вообще произошло.

Алистер обнимает Тома.

– Нам и не такое приходилось выслушивать. Могу вас заверить.

– Даже если так. Может быть, вы хотите, чтобы я попробовала найти другое место для Дарси?

– И позволить ему почувствовать себя победителем? Ни за что, – усмехается Том. – И потом, мы же здесь не задержимся?

– Надеюсь, что не слишком, – уклончиво отвечает Лейла. – Как только освободится место, мы переведем Дарси в послеоперационную палату, а когда у нее улучшатся показатели крови, мы уже сможем говорить о ее выписке.

– Слышишь, принцесса? Поедешь домой!

Алистер осторожно достает Дарси из кровати, стараясь не сместить оксиметр, прикрепленный к ее ножке, и электроды на ее груди, отслеживающие частоту сердечных сокращений. Он держит девочку так нежно, словно она хрустальная. Том обнимает их обоих, и мужчины внимательно смотрят на свою дочь.

– Замечательная семья, – с улыбкой произносит Пипа, на минуту забыв о собственной трагедии. – Придется вам устроить для нее праздник, раз уж ей пришлось провести здесь ее первое Рождество.

– Хорошая идея, – подхватывает Том.

Алистер смотрит на Пипу, снова взявшуюся за вязание.

– Пипа, прости. Тебе, наверное, тяжело на нас смотреть.

– Не глупи. Я очень рада за вас. Мы, вероятно, следующие. Ведь Дилана сегодня отключают от аппарата, – обращается она к Лейле.

Та кивает.

– После обхода. Мы сделаем это здесь, чтобы свести его стресс до минимума. Так что...

Лейла бросает взгляд в сторону Алистера и Тома.

– Мы исчезнем отсюда, – улыбается Том.

Дверь в палату № 1 закрыта. Чета Слейтеров ушла в столовую, а Бредфорды отбыли на работу. Лейла попыталась отправить Пипу прогуляться, но та настояла, чтобы ее оставили с сыном. Она сидит в углу палаты, стараясь занимать как можно меньше места.

Рядом с Лейлой на металлической тележке лежат эндотрахеальные и трахеостомические трубки, стерильный скальпель и лидокаин на случай, если придется вскрывать просвет трахеи. У кровати Диланы стоят Шерил и Аарон, который с такой нежностью снимает липкую ленту, словно это его собственный ребенок.

– Готовы? – Лейла кивает своим коллегам.

Аарон продувает эндотрахеальную трубку и сдувает манжету, удерживающую трубку на месте. Лейла смотрит на мониторы, контролируя частоту сердечных сокращений и уровень насыщения кислородом. Потом медленно, миллиметр за миллиметром, вытягивает трубку. За ее спиной слышится частое дыхание Пипы и спокойный голос Шерил, которая разговаривает с Диланом, несмотря на то что он под снотворным:

– Сейчас все закончится, милый. Ты у нас такой молодец.

В прошлый раз они потерпели неудачу. Лейла сочла, что Дилан уже может дышать самостоятельно, они проделали ту же процедуру, что и сейчас, но все его показатели так быстро и резко снизились, что пришлось прерваться и ждать, пока они стабилизируются. Однако этого не произошло, и Лейла была вынуждена вернуться к прежнему режиму.

«Хоть бы сейчас повезло», – думает она. Но по спине пробегает неприятный холодок. Ее не отпускают тревожные предчувствия.

Наконец трубка извлечена, и слышится кашель, заставляющий Пипу вскочить со стула.

– Что случилось? С ним все в порядке? Он дышит?

– Это рефлекторный кашель, – мягко успокаивает ее Лейла. – Мы немного поможем ему с дыханием, а потом постепенно будем снижать давление и смотреть на его реакцию.

Аарон санирует дыхательные пути мальчика, а Лейла, надев на него маску, регулирует давление.

– Если он справится, попробуем установить носовую канюлю. Но будем действовать постепенно.

Пипа слабо кивает. Как только Аарон с Шерил откатывают тележку, а Лейла отходит от кровати, она бросается к Дилану и целует его в лоб. Потом прикасается к липким следам от ленты.

– Я попрошу кого-нибудь принести вам спирт для растирания, и вы протрете ему лицо.

Пипа вздрагивает от неожиданности, словно забыв, что Лейла все еще здесь. Потом, неуверенно улыбнувшись, вливается глазами в лицо врача, пытаясь прочесть ее мысли.

– С ним все в порядке? Правда? Как вы думаете?

В ее голосе столько мольбы и отчаяния, что Лейле невольно хочется ее обнадежить. «Да, все отлично, он обязательно поправится».

Но Лейла не умеет лгать. Вместо этого она говорит:

– Посмотрим, как он будет чувствовать себя в течение суток.

С этими словами она уходит. Тревожные ощущения, беспокоящие ее весь день, стали сильнее, чем когда-либо.

Глава 4

Пипа

Напротив палаты интенсивной терапии находится комната для родителей – просторное помещение с удобными стульями, чайником и холодильником, забитым молоком и пластиковыми контейнерами с наклейками. «Анна Робертс». «Бекинсейл». «Сырные палочки для Ноя. Просьба не трогать – это единственное, что он ест!» Достав свои сэндвичи, я сажусь за стол.

Комната обставлена как дом престарелых, в котором жила моя бабушка: стулья в чехлах с высокими спинками и деревянными подлокотниками, лакированные журнальные столики со стопками старых журналов. На стойке лежат листовки «Ваш ребенок попал в палату интенсивной терапии – что теперь делать?». Телевизор на стене подвешен слишком высоко для комфортного просмотра. Звук всегда отключен, а субтитры не успевают за действием, как в плохо дублированном фильме. Я смотрю, как диктор беззвучно читает новости, и бегущая строка, догоняя предыдущий сюжет, передает рекламу средства для чистки ковров. Мне вспоминается Материнское воскресенье в марте прошлого года, когда Макс встал ни свет ни заря, чтобы дать мне выспаться. Дилан в то время просыпался в пять, и когда я открыла глаза, проспав до половины восьмого, то увидела Макса с Диланом, которые, отключив звук, смотрели эпизод о свинке Пеппе.

– Мы не хотели тебя будить, – сказал Макс. – С Днем матери, дорогая.

– А зачем вам субтитры? – спросила я, обнимая Дилана. Он уткнулся мне в шею, запустив ручку под ворот футболки. – Наш сын, конечно, исключительно одарен, но пока он вряд ли умеет читать.

Макс пожал плечами и поскреб затылок.

– Это серия, где питомец доктора Хомяка получает главный приз – очень забавно.

– Ты хочешь сказать, что субтитры предназначены для *тебя*?

Я так громко расхохоталась, что Дилан в недоумении коснулся пальчиком моего лица, а потом и сам залился смехом. Макс притворно надул губы:

– Тс-с, сейчас будет самое интересное.

Он включил звук и подвинулся, чтобы мы с сыном могли примоститься рядом. И когда Дилан соскользнул с дивана, чтобы поиграть со своими динозаврами, мы с Максом еще долго сидели в обнимку, наблюдая за приключениями свинки Пеппы.

Обедать еще рано, но я не завтракала, и меня подташнивает от голода. Сэндвичи, лежащие в холодильнике со вчерашнего дня, зачерствели, и мне приходится запивать их водой из-под крана. После утреннего стресса я чувствую себя вымотанной. Надежды на благополучное отключение от аппарата в результате закончились полной неопределенностью. Пустая беготня, как говорила моя мама, когда мы должны были спешить куда-то, а потом долго ждали и околачивались без дела.

Сорок восемь часов, сказала доктор Халили. Двадцать четыре часа контроля за показателями, и если Дилан сумеет продержаться два дня, это уже победа. Мой мальчик все еще спит. Ничего удивительного, после того как он столько времени был под снотворным. Не позволяя себе раскиснуть, я достаю мобильник.

«Удаление трубки прошло отлично. Сейчас он в маске, но пока выглядит неплохо. Счастливого пути домой! Мы по тебе скучаем!» И смайлик-поцелуй в конце сообщения.

Ответ приходит почти сразу.

«Я тоже соскучился. Скоро буду дома».

Три смайлика поцелуя.

«Один для тебя, один для меня и один для нашего малыша, – написал мне Макс в те далекие времена, когда я сообщила ему, что беременна. – Букет поцелуев».

На глаза наворачиваются слезы, но я не позволяю им пролиться. Я поднимаюсь, заворачиваю остаток сэндвича в фольгу и выбрасываю его в мусорную корзину. Включив чайник, я хожу по комнате, вытягивая шею из стороны в сторону, и чувствую, как она похрустывает, то ли жалуюсь, то ли от облегчения.

На журнальном столике лежит тетрадь, которую вручила мне Шерил, когда я спросила у нее, можно ли мне завести книгу предложений.

– Это не для сотрудников клиники, а для родителей. Особенно новичков. Чтобы они могли получить совет и обменяться опытом, – объяснила я ей.

– Отличная идея. Я принесу вам тетрадь.

Я думала, что у них есть шкаф с канцелярскими принадлежностями или что-то в этом роде, но когда на следующий день Шерил дала мне толстую тетрадь со спиралью, я заметила на обложке ценник. Я попыталась отдать ей деньги, но она и слышать об этом не хотела.

Открыв тетрадь, я смотрю на свою последнюю запись.

«Сюда можно заказывать пиццу! Дайте им адрес больницы и встречайте посыльного на входе».

Об этом мне сказал один из санитаров, когда увидел, с какой тоской я смотрю на пустой торговый автомат. Мы с Максом заказали пиццу пепперони и набросились на маслянистые куски, словно это были деликатесы из дорогого ресторана.

Над моей записью кто-то вывел аккуратным почерком:

«Выйдя из отделения, поверните налево и пройдите через автостоянку. Там растет огромный дуб, а под ним есть скамейка. Идеальное место, чтобы посидеть и поразмышлять».

Я знаю эту скамейку. Это и вправду чудесное тихое место. Сняв колпачок с ручки, я пытаюсь найти слова для издерганных и растерянных родителей, которые не знают, что делать, куда идти, что говорить и как им со всем этим справляться.

Потом надеваю колпачок обратно. Кровь гулко пульсирует у меня в ушах, и волна страха и отчаяния вдруг накрывает меня. Я встаю и иду к раковине, почему-то вспоминая о лебедях, которых мы с Диланом кормили на Стрэдфордских каналах. Интересно, они когда-нибудь выдыхаются, беспрестанно гребя лапами, чтобы удержаться на поверхности? Что будет, если силы покинут их, как это происходит со мной, и они больше не смогут беспечно скользить по водной глади? Что?..

Пошатнувшись, я опираюсь на стену, глядя на свое искаженное отражение в стальной раковине. «Ну почему я, почему мы, почему мой сын, – беззвучно повторяю я, думая о лебедях, которые без усталости гребут лапами, такие спокойные и безмятежные. – Ну почему это выпало мне, почему нам, почему нашему сыну?»

За моей спиной открывается дверь. Я делаю глубокий вдох. Часто моргаю. *Гребу лапами.* Чайник вскипел. Я изображаю на своем лице улыбку, и отражение в раковине криво улыбается мне в ответ. «Греби лапами, греби, греби». Наверное, это Никки Слейтер или ее муженек. А может быть, новый родитель, еще не оправившийся от потрясения и жаждущий поддержки и участия.

Кто-то обнимает меня за талию, и жесткая щетина щекочет мне шею.

– Привет, солнышко. Вот я и вернулся.

Я роняю кружку, и она со звоном ударяется о стальную раковину. Макс. От него пахнет путешествиями и кофе.

– Удивлена?

Я круто поворачиваюсь. Сердце готово выпрыгнуть из груди.

– Как ты узнал?

– О чем?

– Что ты мне так нужен именно сейчас.

И я начинаю плакать, не в силах выдержать навалившийся груз.

Макс берет в руки мое лицо. Под глазами у него синяки.

– Просто я почувствовал то же самое.

В последние несколько месяцев мы балансировали между надеждой и отчаянием, словно раскачиваясь на неумолимых качелях. Мы научились быть осторожными, научились спрашивать, а не предполагать, научились жить одним днем и даже часом.

Поэтому, когда Дилан приходит в себя, мы продолжаем осторожничать. И даже когда доктор Халили сообщает нам, что теперь можно перейти на носовую канюлю, мы боимся верить, что все обошлось. Мы приходим в восторг, когда наконец видим лицо сына без маски и трубки, но все еще сдерживаем нахлынувшую волну радости.

– Смотри, у него порозовели щечки!

– Пока рано радоваться.

– Какое счастье, что у него стабильные показатели!

– Посмотрим, что будет дальше.

Мы по очереди льем холодную воду на искорки надежды, не давая им разгораться. И все же, когда проходят сутки, а потом двое и мы понимаем, что удаление трубки заканчивается удачно, надежда вспыхивает несмотря ни на что.

– Он дышит, – чуть слышно шепчет Макс.

Он смотрит на нашего мальчика. Канюлю из носа уже извлекли, и она лежит на подушке, просто на всякий случай. Я наблюдаю за уровнем кислородного насыщения на мониторе, он колеблется в районе девяноста трех процентов. У здоровых детей этот показатель составляет от девяноста шести до ста процентов, но для Дилана и девяносто три – отличный результат. Просто замечательный.

– Он дышит, – повторяю я.

Мы смотрим друг на друга, не решаясь произнести вслух то, о чем оба думаем. «Он выкарабкается».

Макс кивает.

– Дышит сам.

Дилан, повернув голову, смотрит на папу, словно говоря: «Конечно, дышу – разве вы в этом сомневались?»

– Ну, как он? – Никки с Коннором вернулись из столовой.

Лиам тоже подключен к аппарату, но об отключении речи пока не идет. Им, наверное, обидно, что чужой ребенок уже дышит самостоятельно, а их собственный никак не поправится.

– Кажется, все в порядке, – бесцветным голосом говорю я. Так, на всякий случай.

– Постучим по дереву, – бросает Никки.

Они садятся рядом с кроватью Лиамы, и Коннор что-то тихо говорит. Я здорово нервничала, когда он вернулся в палату после своего выступления, но с тех пор он не произнес почти ни слова. Мне хотелось бы думать, что он сожалеет о случившемся, но по его лицу этого не скажешь. На нем застыло выражение еле сдерживаемой ярости. У Лиамы есть брат и сестра школьного возраста, а у Слейтеров только одна машина, поэтому после обеда они собираются и уезжают, чтобы к двум тридцати успеть забрать детей из школы. Это дает им возможность не встречаться с Томом и Алистером, которые приезжают в семь утра, чтобы покормить Дарси завтраком, а потом возвращаются после работы и сидят с ней весь вечер. «Она как будто в яслях», – сказал как-то Том. Хотя все мы знаем, что это не так. Я рада, что в будние дни они не пересекаются, но в выходные я нервничаю, поскольку столкновение вполне может произойти.

Когда приезжают Бредфорды, Алистер первым делом подходит к Дилану.

– Так держать, малыш!

– Девяносто четыре процента, – с гордостью сообщает Макс.

Алистер пожимает ему руку, а Том обнимает меня, словно это мы заставили Дилана дышать. На самом деле он справился сам – мой маленький отважный боец.

– Такими темпами вы обскочите нас и первыми попадете домой, – говорит Том, хотя на самом деле Дарси уже сидит в своей кровати и что-то лепечет, и, несмотря на капельницу, через которую ей вводят антибиотики, она почти здорова и готова вернуться в свой дом.

– Об этом пока рано говорить, – замечаю я, и в моей голове проносятся даты, словно я перелистываю календарь на столе Макса.

Я гадаю, когда это произойдет – в этом месяце, в следующем или в День матери? В этом году я не буду валяться в кровати. Мне никогда больше не захочется поспать подольше. Я вспоминаю, как год назад я жаловалась на усталость, на невозможность выспаться, сходить в туалет или выпить чашку чая. Я думаю обо всех тех случаях, когда я стонала, что не могу потратить на себя и пяти минут. «Неужели я так много требую?» Во рту становится горько. Как я могла не ценить того, что имела? Почему не понимала своего счастья? Когда Дилан вернется домой, я буду спать только одновременно с ним и вскакивать, как только он проснется, чтобы не потерять ни одной секунды нашего общения.

– Пойдем куда-нибудь поужинаем, – предлагает Макс, когда Дилан снова засыпает. Он смотрит на часы. – Если мы поедем прямо сейчас, то в половине девятого будем в «Бистро у Пьера».

– Мы там уже сто лет не были.

Глаза у Дилана закрыты так плотно, что ресницы лежат на щеках, но под веками угадывается какое-то движение. Я в нерешительности молчу, не зная, как поступить.

Макс берет меня за руку.

– С ним все будет в порядке.

И уже чуть громче обращается к Шерил и незнакомой медсестре, которые сортируют лекарства:

– С ним ведь все нормально?

– Конечно. Идите ужинайте. Можете позвонить и узнать, как дела. Но если что-то изменится, я вам обязательно сообщу.

– Как-то неловко идти ужинать, когда твой ребенок еле жив.

– «Сначала наденьте кислородную маску и только потом помогайте другим пассажирам», – с улыбкой произносит Шерил, подняв одну бровь. – Разве не так говорят нам стюардессы?

В «Бистро у Пьера» состоялась наша помолвка. Этот небольшой ресторанчик состоит из лабиринта узких коридоров и крошечных залов, так что у посетителей создается впечатление полной уединенности. Пьера на самом деле зовут Ларри. Он родился и вырос в Бирмингеме, но французскую кухню знает не хуже парижских поваров.

– Привет, пропащие!

– Как дела, Ларри?

Усадив нас за наш любимый столик в отдельной комнатке на самом верху, Ларри вручает нам меню, отпечатанное на листке бумаги. Оно не слишком обширно и не блещет разнообразием: всего три варианта каждого блюда из тех продуктов, что куплены утром на рынке.

– В котором часу сегодня уходит ваша няня?

Когда мы пришли сюда в первый раз, то оставили Дилана с приходящей няней, и я целый вечер дергалась, поминутно хватаясь за телефон. Мы второпях запихнули в себя еду и, забыв про десерт, помчались домой, где обнаружили няню, которая мирно смотрела телевизор, и крепко спящего в своей кровати Дилана.

– Уже вернулись? А я вас так скоро не ждала, – удивленно проговорила она.

– Сегодня у нас нет няни, – объясняю я Ларри и, чуть поколебавшись, добавляю. – Дилан сейчас в больнице. У него рак.

Я чувствую, как напрягается Макс. Он никому не говорит о болезни сына.

– Черт...

Ларри явно растерян и не знает, что сказать и как себя вести. Ничего удивительного – никто не знает. Я прихожу ему на помощь:

– Теперь ему лучше, самое страшное уже позади. Дилан прошел шесть курсов химиотерапии, и ему удалили большую часть опухоли. Так что все не так уж плохо. Вообще-то мы пришли, чтобы отметить большое событие – его отключили от кислородного аппарата, и он теперь дышит сам!

Макс недовольно смотрит на меня. Я говорю слишком громко, сообщая Ларри подробности, которые ему вряд ли интересны. Но я вижу в его глазах сочувствие.

– Ну, это же здорово! Когда ваш малыш вернется домой, приводите его сюда на чай. За счет заведения.

– Спасибо, Ларри.

Мы едим луковый суп, запеченный под сырной корочкой, и рагу из утки, мясо которой отваливается от костей, и его приходится вылавливать ложкой. Обсуждаем Коннора Слейтера и то, как он притих с тех пор, как доктор Халили поставила его на место. Говорим о Томе с Алистером, и я предлагаю как-нибудь пригласить их на ужин.

– Разве у нас есть что-нибудь общее? – спрашивает Макс. – Кроме палаты интенсивной терапии?

– Но ведь дружба так и начинается, – парирую я, обмакивая в соус кусочек хлеба. – У людей находится какая-то точка соприкосновения – дети, выгуливание собак или палата интенсивной терапии, и отсюда вырастают дружеские отношения. Их не так уж и много – людей, которые могут понять, через что мы проходим.

– Но это не совсем то. У Тома с Алистером другой случай, их опыт отличается от нашего или опыта Никки и ее неандертальца-мужа. Это все равно что... – Макс подбирает слова, – путешествовать в одной и той же стране, но по разным маршрутам и по разным дорогам. Понимаешь? Мы единственные, кто может оценить это путешествие и все, что нам пришлось там пережить.

Он берет меня за руку.

– Только мы.

После теплого уюта ресторана ночной воздух кажется особенно холодным, и я плотнее обматываю шею шарфом. Мы идем в облачках пара, возникающего от нашего дыхания. Я цепляюсь за Макса, и он берет мою руку и кладет ее в свой карман.

Вернувшись домой, мы не задерживаемся в холле, не проходим на кухню, не останавливаемся у двери в столовую, обсуждая, как могли бы превратить ее в спальню для Дилана. Мы вообще ничего не говорим. Мы поднимаемся наверх и впервые за многие дни занимаемся любовью.

Глава 5

Макс

– Как думаешь, когда он сможет вернуться домой?

Мы сидим в баре, в который приходишь, когда у тебя есть дети, и стульчики для кормления и наличие игровой зоны становятся для тебя важнее, чем большой выбор джина. Элисон и ее муж Руперт пришли сюда заранее, заняв на всю компанию два больших стола у двери на летнюю веранду. Дети то и дело просятся на улицу, а получив свое, сразу же хотят обратно в тепло. Их родители, попав в заложники к маленьким террористам, натягивают на них пальто и перчатки, которые те сбрасывают уже через пару минут.

– Трудно сказать.

– Речь идет о неделях или месяцах?

Руперт – врач общей практики, что дает ему право задавать нам вопросы, от которых остальные присутствующие стараются воздерживаться.

Я смотрю на часы.

– Мы не знаем.

«Только на часок, – предупредила Пипа. – Больше мы не можем себе позволить».

– Сколько он провел в палате интенсивной терапии? Около шести недель?

«Три месяца», – мысленно отвечаю я.

– По-моему, недели три.

Взглянув на меня, Пипа произносит:

– Не больше месяца.

Я выключаюсь из разговора. Не хочу говорить о Дилане перед всеми этими людьми, которые, подавшись вперед, боятся пропустить хоть слово об ужасном несчастье, к их облегчению случившемся не с ними.

– Мы не можем не пойти, – сказала Пипа, когда я предложил оставить это мероприятие без внимания. – Ну, представь, как бы ты себя чувствовал, если бы они не пришли на день рождения Дилана.

– Учитывая обстоятельства, я бы их понял.

Но Пипа была непреклонна, и вместо того, чтобы сидеть с Диланом, мы проводим воскресенье в сетевом пабе в компании чужих детей. Чужих *здоровых* детей. Я вовсе не желаю им судьбы Дилана – такого никому не пожелаешь, – но... это тяжело выносить.

Пипа продолжает их информировать:

– У нас случилась пара осечек после того, как его отключили от аппарата искусственной вентиляции легких, но сейчас уже два дня он дышит самостоятельно. В понедельник ему сделают снимок, чтобы убедиться, что опухоль больше не растет, а потом, когда Макс вернется из Чикаго, мы будем консультироваться с врачом. Правда, Макс?

Она пытается вовлечь меня в разговор.

– Вот и прекрасно, – говорит одна из женщин.

Это Фиби? Я все время путаю женщин, и, чтобы запомнить, кто есть кто, мне приходится мысленно ассоциировать их с мужьями. Фиби и Крейг, Фиона и Уилл. Значит, это Фиби. Она склоняет голову набок. «Какой ужас».

– Мы все так за вас переживаем, – встречается Фиона. – Все время о вас думаем.

– И молимся, – добавляет Фиби.

«Мысли и молитвы», – усмехаюсь я, посмотрев на Пипу. Но она, похоже, по-настоящему тронута этими банальностями.

– Спасибо, девочки. Для нас это много значит.

Это ничего не значит. И ничего не меняет. Я встаю и иду к двери. В игровой комнате малыш пытается взобраться на горку. Он цепляется за края ступенек пухлыми ручками в перчатках, но ступеньки слишком высокие, и его все время отталкивают другие дети. В комнату вбегает мужчина и, схватив малыша за талию, проносит его высоко над горкой, изображая летящий самолет. К горлу подступает комок, и я отворачиваюсь.

Официантка приносит два блюда с картофелем фри. «Небольшой перекус», – как говорит Элисон. Все усаживают детей на колени и, ломая картофельные палочки, окунают их в кетчуп. «Там полно сахара, и дома я их ей не даю». Маленькая дочка Уилла начинает реветь, потому что ее оторвали от игры, а ей совсем не хочется есть. «Не надо ее заставлять, когда проголодается, попросит сама», – с раздражением думаю я.

И только Пипа сидит одна, и ее колени никем не заняты. Она, улыбаясь, обсуждает с Крейгом автомобильные сиденья, и со стороны может показаться, что она отлично проводит время, но я-то знаю свою жену. Прекрасно знаю.

Мы были вместе год или около того, когда я повел ее на прием, организованный нашим английским филиалом. Почти сразу нас разъединили. Честер забрал меня к клиентам, а в Пипу вцепилась Дженис из бухгалтерии. И всякий раз, когда я пытался вернуться к ней, рядом уже топтался кто-то другой. Я смотрел, как Пипа смеется вместе с Дженис, улыбается своим друзьям, разговаривает с Брайаном из отдела информационных технологий. Казалось, ей здесь очень весело. Но я уже хорошо ее знал.

– Хочешь, пойдем в другое место? – прошептал я ей на ухо, когда наконец смог к ней подойти.

– Да, с большим удовольствием.

Сейчас, глядя, как Пипа смеется над шутками Крейга и передает Фионе уксус для дочки – «Она добавляет его во все, глупышка», – я оставляю свое место у двери и подхожу туда, где сидит Пипа. Я наклоняюсь к ней так близко, что ее волосы касаются моих губ.

– Хочешь, пойдем в другое место?

– Да, с большим удовольствием.

В длинном коридоре, по пути в палату интенсивной терапии, нам приходится посторониться, чтобы пропустить санитаря, везущего инвалидное кресло. В кресле мальчик лет четырнадцати, весь желтый и опухший от стероидов. Посиневшей рукой он толкает штатив на колесах, на котором висит капельница.

Войдя в отделение, мы вешаем свои пальто и моем руки. Привычная процедура, которую мы уже давно повторяем каждый день. «Речь идет о неделях или месяцах?» – спросил нас Руперт. Дай Бог, чтобы все обошлось неделями.

В палате Пипа толкает меня локтем – там уже сидят Слейтеры и Бредфорды. Их разделяют кровати Лиамы, Диланы и Дарси. Оба семейства старательно игнорируют друг друга. Слейтеры привели с собой троих старших детей, и те, уткнувшись в свои мобильники, явно скучают.

Но обстановка в палате меня не слишком интересует. Я вижу, что сетка на кровати Диланы приспущена, а он сидит, опираясь на большую губчатую подушку. Рядом устроилась физиотерапевт, выстукивающая ему грудь.

– Он уже сидит! – восклицает Пипа, устремляясь к сыну. Она улыбается врачу. – Как же я рада.

– Я почти закончила. Это облегчит секрецию, и он сможет откашляться.

У физиотерапевта в носу пирсинг, и говорит она с южноафриканским акцентом. К пестрой ленточке, на которой висит ее карточка, прищиплены яркие значки. Она еще раз высту-

кивает Дилана, и его рот заполняется густой слизью. Нагнув малыша вперед, доктор берет его за подбородок и одним отработанным движением руки очищает ему рот салфеткой.

– Вот молодец.

Она снова похлопывает его по груди, перемещая руку по худому тельцу. Руки Дилана висят вдоль тела, как тонкие палочки.

При рождении он весил девять фунтов и десять унций. Он родился на две недели позже срока, и у Пипы был такой большой живот, что при ходьбе она поддерживала его руками, словно боялась, что ребенок ненароком оттуда вывалится. Ручки и ножки у Дилана были как у человека из рекламы шин «Мишлен», а щеки такие круглые, что глаза казались щелочками.

– Наверное, он будет борцом, – предположила Пипа, когда Дилану исполнилось полгода.

Меняя ему пеленку, она обхватила его толстые ножки и со звуком подула малышу в живот.

– Или дегустатором пиццы.

В ответ Пипа запустила в меня грязной пеленкой.

Дилан перестал быть толстячком, когда начал ходить. Почти за ночь пухлые браслетики растаяли с его рук, и день за днем я наблюдал, как он стал превращаться из младенца в малыша.

А потом он заболел и стал худым. И теперь я отдал бы все что угодно, лишь бы снова увидеть эти толстые ножки с рекламы «Мишлен».

– Как самочувствие, чемпион?

Дилан откашлял еще немного мокроты.

– Отличная работа, Дил!

Вытерев Дилану рот, врач осторожно опускает его голову на подушку.

– Если хотите, он может еще немного посидеть.

Здорово, что Дилан уже может сидеть, и хотя он в полузабытии (ничего удивительного при таком количестве препаратов, которыми его накачивают), сын явно чувствует наше присутствие. Через некоторое время врач возвращается и, убрав губчатую подушку, укладывает Дилана набок, подложив ему под голову подушку поменьше. Пипа достает свое вязание, а я вынимаю планшет, перевожу его в режим «в самолете» и тупо смотрю на экран.

Перед болезнью Дилан только начинал говорить. Он знал около пятидесяти слов – мы записали их на листке бумаги и прилепили его к холодильнику, – но уже мог составлять из них коротенькие фразы. «Хочу молока». «Не надо гренок». «Папина книжка».

У меня сжимается горло. Я хмуро смотрю на курс биткоинов, затем закрываю таблицу и нахожу список статей, которые я скачал из интернета. «Выживаемость при медуллобластоме» – гласит первый заголовок. Но я знаю и так. Если нет метастазов, выживаемость составляет семьдесят-восемьдесят процентов.

– Восемьдесят процентов, – повторила Пипа, когда я сообщил ей об этом. – Совсем неплохо.

Она повторяла это снова и снова, словно была не совсем в этом уверена. Но я утаил от нее, что было написано дальше.

«У детей до трех лет болезнь ведет себя более агрессивно. Уровень выживаемости у них ниже».

Я смотрю на своего сына, бледного и слабого под тонким одеялом. Сквозь редкие волосы просвечивает шрам от операции. Он находился в операционной в течение шести часов, и каждая минута казалась мне годом. Я принес свой ноутбук и, сидя в столовой, отвечал на электронные письма, которые едва читал, и сочинял презентацию, которая меня совсем не заботила.

Пипа возмущенно смотрела на меня.

– Как ты можешь думать о работе в такой момент?

– Но ведь кто-то должен платить за ипотеку, – резко бросил я, уязвленный ее упреком.

Я смотрел в ее глаза, не в силах выразить словами то, что на самом деле хотел сказать, – что лучше уж думать о работе, чем о том, что происходит сейчас в операционной.

Врачи добрались до большей части опухоли. Это называется «субтотальная резекция». Пока мы ждали, когда нас пустят к Дилану, я посмотрел в интернете, что это значит. «От пятидесяти до девяноста процентов опухоли», – сообщил мне гугл.

– Между пятьюдесятью и девяноста большая разница, – заметил я, когда мы сидели у кровати Дилана, а хирург стоял в его ногах с блокнотом в руках. – Не могли бы вы уточнить?

– Я старался не затрагивать здоровые клетки вокруг опухоли, чтобы еще больше не повредить мозг, – уклончиво ответил он, ничуть не развеяв наши опасения.

Повреждение мозга.

У Дилана поврежден мозг. Сначала опухолью, а затем, по какой-то жестокой иронии судьбы, в результате операции по ее удалению. Какие-то части мозга восстановятся, а другие нет. И при всех своих знаниях и опыте врачи не в состоянии сказать, какие именно. Мы должны лишь ждать и надеяться.

– Пойду на воздух, – говорю я Пипе.

Она поднимает голову для поцелуя.

Я иду через стоянку к скамейке под дубом. Сажусь и, упираясь локтями в колени, потираю глаза ладонями. В голове возникает ощущение, будто я нахожусь под толщей воды и океан всей тяжестью давит на меня. Я думаю об опухоли в основании мозга Дилана и о том, испытывал ли он похожие ощущения? В понедельник ему сделают томографию, и я пытаюсь догадаться, что осталось от его опухоли. Я мысленно представляю, как она съежилась и усохла после радиотерапии, но перед моими глазами лишь участок затемнения на том первом снимке, который нам показали, когда Дилан поступил в больницу.

– Мне очень жаль, – виновато произнес тогда врач.

Опухоль в мозгу у Дилана была уже довольно давно. Месяцы головных болей, тошноты, ухудшения зрения, потери равновесия и дюжина других симптомов, о которых дети постарше могли бы рассказать, но Дилан...

Я все сильнее тру глаза и думаю о прошлом лете, когда мне следовало бы догадаться...

– Опля! – воскликнула Пипа, когда Дилан врезался в стенку, упал, попытался подняться и снова упал. Мы тогда рассмеялись и вспомнили игру, в которую играли в детстве, когда ты сначала кружишься на месте, а потом пытаешься бежать по прямой.

Мы над ним смеялись.

Это началось тогда? Не обычная неуклюжесть маленького ребенка, еще нетвердо стоящего на ногах, а страшная болезнь? Я не могу удержаться от стога.

Рядом слышится чей-то кашель.

Я выпрямляюсь, раздосадованный чьим-то присутствием, и вижу Коннора Слейтера, сидящего рядом со мной. Кивнув, я собираюсь встать и уйти и вдруг понимаю, что это был не кашель.

Коннор Слейтер плачет.

Он сидит, вцепившись в края скамейки красными огрубевшими руками. На предплечье у него татуировка – имя Лиам в окружении черных завитков. Несмотря на холод, на нем мешковатые шорты, из которых торчат загорелые веснушчатые ноги в желтых поношенных ботинках.

Я не знаю никого похожего на Коннора Слейтера, я не знаю, как я могу ему помочь.

Я не знаю.

И все же.

Я знаю, каково это – оставить семью в понедельник и не видеть ее до пятницы. Знаю, что чувствуешь, когда звонит твоя жена, чтобы сказать: «Я в больнице – ты должен приехать».

Приезжай прямо сейчас, я тебя жду». Знаю, как страшно терять ребенка, когда ничто другое уже не имеет значения.

Я это пережил.

– Все это тяжело, да?

Коннор медленно кивает. Уперев руки в колени, он смотрит вниз.

– Это хорошая больница, одна из лучших в стране. Лиам в надежных руках.

Это звучит банально, но Коннор потирает лицо и энергично кивает, и я думаю о том, что иногда мы хотим услышать именно банальности.

– Я торчу здесь ради Ник, понятно? И не хочу расстраивать наших ребят, поэтому говорю им, что все в порядке, стараюсь заботиться обо всех, и о Ник тоже, но...

Он обрывает себя на полуслове, но я уже понял, что он хочет сказать, потому что думаю о том же.

– И никто никогда не спрашивает, каково приходится вам.

Коннор сжимает губы.

– Ведь вы совсем не в порядке.

– Верно.

Он поднимает на меня красные опухшие глаза.

– Потому что это я виноват, что Лиам оказался здесь.

Глава 6

Пипа

– Он забыл свой ингалятор. – Никки меняет Лиаму пижаму.

Макс сегодня на работе, так что в палате нас только двое. Здесь есть ширмы на колесах, которыми можно отгородиться, но поскольку других родителей сейчас нет, а мы с Никки неплохо ладим, в такой изоляции просто нет необходимости.

Когда-то мы с Элисон говорили о том, что наша компания мам с детьми могла бы куда-нибудь уехать – на несколько дней арендовать дом, чтобы жить там всем вместе. Готовить и заниматься своими отпрысками.

– Что-то вроде коммуны, – засмеялась она тогда. Интересно, сможем ли мы когда-нибудь это сделать теперь?

Никки стягивает с сына футболку.

– На день рождения мы подарили Лиаму новый рюкзак. Он переложил туда все свои вещи, а про ингалятор забыл, и тот остался в старом рюкзаке.

Я чищу Дилану зубки. Их у него четырнадцать, и сквозь десны прорезывается еще несколько. Дилан смотрит на меня своими большими блестящими глазами.

– Зубки не болят, малыш?

Так хочется, чтобы он что-нибудь произнес в ответ или хотя бы издал какой-то звук.

– У него давно не было приступов, – продолжает Никки. – Но когда они пошли в столовую, он вдруг вспомнил, что забыл ингалятор, и очень расстроился.

– Бедняжка.

Я осторожно провожу по зубам щеткой. Несколько месяцев сына кормили через трубку, но три раза в день мы чистили ему зубы, чтобы не дать размножиться бактериям. Я задумываюсь о том, сколько времени пройдет, прежде чем я снова стану для него готовить. Будет ли он по-прежнему любить овсянку с бананом или его вкусы изменятся? Может быть, он захочет блинчиков или французских тостов?

– Коннор задерживался и не придавал этому значения, – говорит Никки оправдательным тоном, – ведь у Лиамы уже несколько месяцев не было приступов. А потом... – Ее голос дрожит. – Из школы позвонили и сказали, что ему вызвали скорую помощь.

– Ты, наверное, здорово испугалась.

Закончив с зубами Дилана, я кладу зубную щетку в тумбочку и выливаю в раковину использованную воду.

– В школе должен быть запасной ингалятор для таких случаев, но его не заменили вовремя. Я вот все время думаю: если бы мы не подарили ему новый рюкзак, если бы Коннор не задержался...

Если бы... Мантра всех родителей, дети которых попадают в палату интенсивной терапии. «Если бы мы раньше пошли к доктору, если бы мы прислушались, если бы мы только знали, если бы...»

– Но я-то знала.

Я кладу на тумбочку чистую пижаму для Дилана, чтобы он надел ее завтра.

– Я знала, что с ним что-то не так. Просто знала и все.

В мае прошлого года мы отправились в отпуск все вместе. Небольшая квартирка, которую мы сняли на одном из Канарских островов, была очень уютная. Мы ели копченую колбасу с красным перцем, козий сыр и липкий мед; купались в море, таком ярко-синем, что резало

глаза. Для Дилана перелет оказался трудным. У него болели уши, и он проплакал всю дорогу, а на следующий день он совсем расклеился.

– Ты только посмотри на эту красоту, – сказала я Макс, махнув рукой в сторону залива. – Я думала, он будет носиться от восторга.

Но Дилан сидел в коляске, капризничал и клевал носом. Позже я увидела, как он упал, когда обследовал квартиру.

– Что-то он частенько падает.

– Но ему только два года.

– Тебе не кажется, что он падает чаще, чем обычный двухлетний ребенок?

Макс посмотрел на меня точно так же, как в тот раз, когда я убедила себя, что у Дилана задержка в развитии, потому что он стал слишком поздно ползать. Таким же взглядом он одарил меня, когда я высказала опасение, что сын не переносит лактозу, потому что его дважды вырвало после молока, которое мы давали ему на ночь.

– Ладно, сдаюсь! – сказала я, поднимая руки. – Наверно, я просто сумасшедшая мамаша. Признаю себя виновной.

– Позже мы узнали, что опухоль мозга вызвала гидроцефалию, – объясняю я Никки. – Скопление жидкости в мозгу. Она вызывает головные боли, ухудшение зрения, неуклюжесть. Переносить давление в самолете Дилану было в два раза тяжелее, чем здоровому ребенку.

Я нервно сглатываю. *Если бы мы знали.*

– Но вы же не могли об этом знать, – утешает меня Никки.

Только я знала. Не могла не знать. Мать всегда чувствует, что с ребенком что-то не так.

Какое-то время мы молчим, погруженные в свои мысли и свои «если бы». Я повела Дилана к доктору только через месяц. Если бы... Я вглядываюсь в лицо сына, пытаюсь увидеть в нем прошлого ребенка и будущего. Он выглядит как обычно, и все же... в его лице есть что-то безучастное, меня пугает пустота в его глазах. Он безвольно лежит там, где его положили, иногда шевеля руками или ногами, но по большей части он неподвижен. Только смотрит.

– Он неплохой человек, мой Коннор, – вдруг слышится из угла.

– Конечно, – автоматически подтверждаю я, хотя отлично помню, с какой злостью он набросился на Тома с Алистером и доктора Халили.

– На самом деле он не хотел никого обидеть. Он был просто напуган и переживал, что не привез Лиаму ингалятор, – объясняет Никки, положив руки на край кровати сына. – Он заботится о нас всех. Остальные дети ему не родные, только один Лиам, но ты этого никогда не заметишь – ко всем он относится одинаково. Он так любит их всех. Он сильный человек, понимаешь? Не то что я.

– Он плакал, – сообщил мне Макс, рассказывая, как они с Коннором сидели на скамейке. Приехав домой, он собирал вещи для очередной командировки.

– Такой большой и агрессивный, а плакал, как ребенок.

Я представила себе это, а потом попыталась представить ситуацию наоборот – Макс плачет, а Коннор его утешает, но вообразить плачущего Макса я так и не смогла.

– Я знаю, – говорю я Никки.

Если Коннор не хочет, чтобы жена знала о его переживаниях, не мне ей об этом говорить.

– Когда у Дилана томография?

Я рада сменить тему. К счастью, я замужем за Максом, а не за Коннором. Мой муж сосредотачивается на решениях, а не на проблемах, и он смотрит в будущее, а не копается в прошлом. Еще не хватало, чтобы мы оба раскисли.

– Сегодня. Да, Аарон?

Тот кивает.

– Во всяком случае, я постараюсь их поторопить, но тут всякое может быть.

Поначалу я стеснялась говорить при персонале. Я шепталась с Максом, словно мы сидели вдвоем в тихом ресторане, хотя мы просто обсуждали наши дела. А что еще оставалось делать – молчать? Шесть месяцев? Так что Аарон, Инь, Шерил и все другие медсестры слышали, как Макс ссорился с клиентами и Честером, помнили мои гневные тирады против уничтожения барсуков, якобы распространяющих туберкулез, и знали о моем чувстве вины перед родителями. Родители были невольно втянуты в мои стычки с Максом, вызванные напряжением и усталостью, и были свидетелями примирительных поцелуев, когда мы шли на мировую.

– Да я просто отключаюсь, – сказала Шерил, когда я спросила, не мешаем ли мы ей своими разговорами. – Вам может показаться, что я вас слушаю, но на самом деле я думаю, вероятно, о том, куда пропала моя сменщица, я раскладываю лекарства, регулирую капельницы, кормлю или переворачиваю пациентов...

– Ты переживаешь насчет томографии? – спрашивает Никки.

– Мамочки всегда переживают, – улыбаюсь я. – Но пока все идет хорошо. Его сняли с искусственной вентиляции легких, он неплохо дышит, температура нормальная... Постучим по дереву, – добавляю я.

Интересно, есть ли еще в мире место, где эта поговорка звучит так же часто, как здесь, и где она так же много значит?

– В среду доктор Халили сообщит нам, когда Дилана можно будет забрать домой.

– Yay!

На лице Никки отчетливо читается зависть, и я понимаю, что совершила промах. Мы уже завершаем наше долгое печальное путешествие, а для Слейтеров оно только начинается. И я заставляю себя сдерживаться.

– Но это будет не завтра. И не думаю, что вы пробудете здесь слишком долго.

Я помню горькую зависть, которая охватывала меня всякий раз, когда чьих-то детей переводили в обычные палаты. Ну почему они, а не мы? Когда же наступит наша очередь?

Теперь наша очередь, думаю я, глядя на Дилана.

Глава 7

Макс

Немного странно возвращаться в дом, где ты вырос. Улица та же, но что-то в ней изменилось: деревья кажутся выше, повсюду новые машины. Какие-то дома снесли, и на их месте появились новые. Когда мои родители в середине семидесятых купили дом № 912 на Уолкот-авеню, это был один из целого ряда таких же домов с фронтонами, лестницами, ведущими к крыльцу, и аккуратными квадратами газонов. Длинные узкие здания с анфиладой комнат, выходящих на задний двор. К тому времени, когда я был уже достаточно взрослым, чтобы ездить на своем велосипеде по улицам, эти фамильные гнезда уже сносили, чтобы на их месте возвести целый квартал кирпичных кондоминиумов. Сейчас дом моих родителей кажется карликом по сравнению со своими солидными соседями, и таких домиков здесь осталось всего три.

Заперев взятую напрокат машину, я стою и смотрю на наш дом. Его давно пора подновить – краска на кирпичной кладке облупилась, а сайдинг совсем пожелтел. Окна цокольного этажа, где мы с друзьями играли в шпионов, затянуты паутиной.

Я стучу в дверь и слышу, как мама кричит:

– Иду, иду!

Она так торопится, словно боится, что гость, кто бы это ни был, не дождется ее и уйдет. Прислонившись к дверному косяку, я усмехаюсь. Три, два, один...

– О!

Удивление быстро сменяется восторгом, и мама протягивает ко мне руки. На ней свободные брюки и пестрая блузка, темные волосы стянуты в конский хвост.

– Ты не предупредил, что приедешь!

– Я был не уверен, что смогу к тебе заскочить.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее, как всегда изумляясь своему ощущению, будто она стала еще меньше. Когда я учился в колледже, я объяснял себе это тем, что это я становлюсь выше, но, черт возьми, за последние двадцать лет я вряд ли так сильно вырос. Отец умер через два года после того, как мы с Пипой поженились, и мама сразу как будто сжалась. Я беспокоился о ней и хотел, чтобы она жила с нами, но здесь у нее были друзья и своя собственная жизнь.

– Ты останешься до завтра?

– У меня рейс в десять часов.

На мамино лицо набегает тень, и я чувствую себя виноватым, ведь мы так долго не виделись. Когда я переехал в Англию, я всегда добавлял пару дней к своим деловым поездкам в Чикаго или встречался с мамой в центре города, выбираясь между встречами с клиентами, чтобы вместе пообедать. Когда родился Дилан, с этим стало сложнее. Наверное, когда ты сам становишься родителем, надо подольше оставаться ребенком для своих собственных.

– Мы можем пока посидеть в ресторане.

– Ты назначаешь мне свидание? Тогда подожди, пока я приведу себя в порядок.

Чтобы не терять время, я просматриваю сообщения на телефоне. «Готовы к дальнейшему сотрудничеству», – читаю я послание от потенциального клиента, и у меня словно гора сваливается с плеч.

– Я чувствую, что ты не в игре, – сказал мне вчера Честер.

– Но у меня неплохие результаты, – невозмутимо ответил я, стараясь не выдавать своего замешательства.

Он махнул рукой, словно мои слова ничего не значили, хотя отлично знал о моих результатах.

– Ты не пришел играть в гольф. Боб о тебе спрашивал.

Боб Мэтьюз. Главная шишка в «Сенд Ит Пэкинг» – недавно созданной лондонской фирме по доставке, расширяющейся быстрее, чем они в состоянии с этим справиться. Они привлекли нас для повышения эффективности своей работы, чтобы менеджеры среднего звена могли заняться новыми рынками.

– У меня обязательства перед семьей.

У Боба Мэтьюса тоже есть дети, хотя их никто не видел. Как и Честер, он предпочитает проводить деловые переговоры за ужином или на поле для гольфа.

Откинувшись на спинку кресла, Честер сложил ладони.

– Когда ты переехал в Англию, мы договорились, что ты будешь заниматься английскими клиентами. Будешь моим вторым «я» с английским уклоном, – очень раздельно произнес он. – Развлекать их вместе с твоей очаровательной женой.

Я сжал пальцы в кулаки так, что ногти впились в ладони.

– Мой сын в больнице.

– До сих пор?

Как будто это была новость.

– Мне очень жаль.

Да ему было наплевать на это.

– Ему еще долго там лежать?

Можно подумать, что это его заботило.

Я чуть было не сказал: «Мы не знаем, возможно, еще очень долго». Но вместо этого взял ручку Честера и, постучав ей по столу, согнал с его лица озабоченность.

– Нет, он скоро вернется домой, и все войдет в привычную колею.

Что, как ни крути, было абсолютной ложью.

Мама спускается вниз.

– Ну, как я выгляжу? – спрашивает она, покружившись вокруг себя.

Теперь на ней зеленое платье с широким белым поясом и такого же цвета туфли.

– Просто замечательно, – улыбаюсь я.

Мы ужинаем в «Рокери» в Западном Чикаго. Я заказываю треску по-французски, а мама выбирает салат с креветками и зеленью.

– Ну, как там наш малыш? – спрашивает она, и в ее глазах появляется озабоченность.

Прежде чем ответить, я делаю пару плотков воды.

– Неплохо. Сегодня ему делали томографию. Пипа говорит, что все прошло хорошо.

Она прислала мне фотографию, где прижимается лицом к мордашке Дилана. Оба, не улыбаясь, смотрят в камеру, такие красивые и родные. Я показываю фото маме.

– Завтра мы будем знать больше.

– Пипа перестала присылать мне фотографии. Мне очень их не хватает.

– Я знаю. Но сейчас это тяжело для нее.

– Как она? Глупо, конечно, спрашивать об этом. Но ты ведь заботаешься о ней, правда?

– Ну, конечно, я о ней забочусь.

Меня пронзает чувство вины за то, что я сейчас не с ней, что она сидит одна дома или в больнице, беспокоясь за результаты томографии и зная, что доктор Халили уже видела их и обдумывает дальнейшее лечение.

– Мне бы хотелось приехать. Я не видела Дилана с его последнего дня рождения.

До того как он заболел, думаю я. Когда все еще было хорошо.

– Я бы могла помогать Пипе – делать всю домашнюю работу, заменять ее в больнице на какое-то время...

– Приедешь, когда Дилан вернется домой, – перебиваю я маму. – Осталось совсем недолго, и тогда ты сможешь побыть с ним.

Я не говорю ей о том, что тяжелая атмосфера палаты вредна для нее. Все эти гудки, звонки и сигналы будут ее изнурять. Не говорю, что, несмотря на всю ее помощь, ее присутствие будет отвлекать нас с Пипой от Дилана, а сейчас все наши мысли заняты только им и никем другим.

– Тебе виднее, – кивает мама. А я вспоминаю, как мы с Диланом встречали ее в аэропорту и как они с ним ели клубнику в саду, лежа рядом на коврике.

– А как дела у *моего* мальчика? – спрашивает мама, пристально глядя на меня.

– У меня? – улыбаюсь я. – Я в порядке.

Еще одна ложь за сегодняшний день.

Глава 8

Лейла

Лейла смотрит в окно.

– Я ничего не упустила?

– Нет, – твердо отвечает Ник.

Некоторое время они молчат. Снаружи крошечная малиновка садится на подоконник и тут же улетает.

– Они готовы к этому?

– Они просили нас ничего не скрывать от них с самого начала. Я всегда была с ними открыта. – Лейла ищет глазами птицу, но больше ее не видит.

– Откровенна.

Лейла смущенно смотрит на Ника.

– Откровенна, а не открыта.

– Хорошо, я запомню. Спасибо.

Не очень-то приятно, когда тебя поправляют. Лейла свободно владеет английским. Теперь она даже думает по-английски, и сны она видит тоже на английском. Но иногда тонкости языка ускользают от нее, и Лейла боится быть неправильно понятой или, что еще хуже, невольно обидеть кого-то.

Когда Лейла возвращается в палату, ее голова разрывается от забот. Она думает о пациентах и своих больничных обязанностях. Об отчете, который надо представить в Комиссию по детской смертности; о протоколе последнего собрания у главврача, который она до сих пор не открыла в своем почтовом ящике; о просьбе руководства принять участие в программе обучения. И Лейла ломает голову, где ей найти время на все это. Она уже не помнит, когда ей удавалось выспаться. А еще она думает о своей матери и о том, как убедить ее выйти из дома.

Вчера, когда Лейла вернулась домой, Хабиба ждала ее на кухне. Рядом с микроволновой печью стоял новенький блестящий автомат для газировки.

– Где ты его взяла?

– Его принесли сегодня.

И Хабиба процитировала рекламный слоган: «Восхитительные газированные напитки одним нажатием кнопки!»

Из кастрюли, которая никогда не покидает конфорку, она налила в тарелку «аш реште»², добавив к нему лапшу из ковшика. Бахар³. Ешь.

Сейчас при мысли о еде желудок Лейлы начинает бунтовать. В ее ящике очередной сверток от Хабибы ждет момента, когда у Лейлы будет окно и она сможет чего-нибудь пожевать.

Вчера вечером Хабиба снова встретила ее в домашней одежде, а когда Лейла спросила, выходила ли та из дома, она только пожала плечами.

– Я была занята. Поздоровайся с дном своей корзинки для белья, приготовленного для глажки, – ты ведь его уже давно не видела!

– Но ты не должна за меня гладить.

– Но кто-то же должен это делать.

– Я беспокоюсь за тебя, мама.

² Иранский суп. (Прим. ред.)

³ Специи, пряности. (Прим. ред.)

– За меня? Ха! Лучше побеспокойся о себе, Лейла-джан, ты ведь работаешь с утра до ночи. Когда у тебя найдется время, чтобы познакомиться с хорошим человеком?

– Еще успею.

– Но тебе уже тридцать четыре.

– Ты хочешь, чтобы я выскочила за какую-нибудь посредственность?

– Но я же нашла себе хорошего мужа.

Хабиба попыталась сохранить невозмутимость, но губы ее задрожали, а на глазах заблестели слезы. Родители Лейлы любили друг друга так сильно, что, когда ее отец был убит, ей казалось, что мать этого не переживет – просто высохнет от тоски. Хабиба не умерла, но вся она как бы увяла. Перестала выходить на улицу и встречаться с людьми. Лейла очень беспокоилась за нее, ведь в их квартире в Тегеране мать осталась совсем одна.

– Если найду такого, как папа, то уж точно не упущу.

Глаза у Хабибы засветились.

– Такие нечасто встречаются.

– Будем искать.

Лейла все еще погружена в свои мысли, когда наступает время проинструктировать приходящую смену.

Она старается сосредоточиться:

– Люк Шеферд, одиннадцать лет. Успешная пересадка почки от живого донора три дня назад. Вчера удалена трубка. – Лейла рисует в воображении Люка, жизнерадостного мальчишку, ярого болельщика футбольной команды «Бирмингем сити», который все время умоляет пустить его в комнату для родителей, чтобы смотреть там футбольные матчи. Если восстановление продолжится с тем же успехом, то очень скоро ему разрешат это сделать. – Рана хорошо очищается, признаки инфекции отсутствуют.

Многочисленно взглянув на Лейлу, Шерил прерывает ее, чтобы сообщить, что в коридоре ее ждет посетитель.

– Ты можешь идти.

Джи Бересфорд, сменный врач Лейлы и единственная женщина в больнице, которая в белом халате и туфлях без каблуков выглядит эффектно, сверяется со своими записями.

– Мы уже всех обсудили. Остался только Лиам Слейтер из палаты № 1, мальчик пяти лет, острый приступ астмы. Тахикардия. Уменьшение сердечного кровотока.

У Джи светлые волосы и короткая стрижка, которая сделала бы ее похожей на мальчишку, если бы не пухлые красные губы без следа помады.

– Все верно.

– Значит, это все. Возвращайся к своим делам.

Лейла выходит в коридор, где, прислонившись к стене и глубоко засунув руки в карманы, стоит ее недавний знакомый Джим, который помог Лейле, когда ее сбила машина.

– Пришел проверить, как чувствует себя пострадавшая.

– Несколько впечатляющих синяков, но прогноз вполне обнадеживающий. Еще раз спасибо за помощь.

– Может быть, нужны какие-нибудь лекарства?

Лейла оглядывается по сторонам и изображает разочарование.

– А вы случайно не прихватили с собой веселящий газ?

– Работа не позволяет.

Джим проводит носком ботинка по полу, оставляя на нем черный след от резины.

– Но если на следующей неделе у вас будет хотя бы один свободный вечер, могу выписать вам рецепт на витамин П.

– Витамин П?

Лейла несколько озадачена. Она мысленно перебирает в уме витаминные добавки и их действие, но тут Джим делает жест рукой, изображающий, как он опрокидывает в рот стакан.

Лейла смеется. Витамин П. Пиво. Она на минуту задумывается, вспоминая о сотне вещей, которые она должна сделать, пока в ее голову не приходят слова матери о хорошем человеке, и, достав из нагрудного кармана листок бумаги, Лейла пишет на нем номер своего мобильного.

– Но вам придется выписать мне витамины Л и С.

Теперь приходит очередь Джима выглядеть растерянным, а Лейла возвращается к работе, размышляя, как долго он будет соображать, что она имела в виду.

Лейла откладывает свой разговор с родителями Дилана на самый конец смены. Она должна быть уверена, что ее не отвлекут и что на дежурстве достаточно людей, чтобы справиться с повседневными делами. Она хочет отдать все свое внимание Пипе и Максусу Адамсам.

– Вам что-нибудь принести? Чай или кофе? – спрашивает Шерил. Она тоже будет присутствовать при беседе, чтобы фиксировать каждое слово, сказанное участниками разговора. Как и Лейла, она спокойна и невозмутима.

– Нет, спасибо, – отказывается Пипа.

– Мне тоже не нужно, – говорит Макс.

У него темные густые волосы, которые вились бы красивыми кудрями, не будь они так коротко острижены. Короткая бородка напоминает трехдневную щетину, и только четкая линия под подбородком исключает вероятность того, что он просто забыл побриться. Высокий – шесть футов⁴, не меньше, – в деловом костюме он выглядит весьма импозантно. Весь его вид вызывает доверие, так что некоторые родители поначалу принимают его за врача.

Они с женой держатся за руки, опустив переплетенные пальцы на диван. В кабинете самая простая обстановка: диванчик для родителей, два стула для персонала. Журнальный столик и корзинка с игрушками для детей. Коробка с салфетками. Пыльные искусственные цветы на подоконнике.

Табличка на двери гласит: «Комната отдыха», и любой может здесь уединиться, чтобы подумать или поговорить без свидетелей.

Лейлу ждет тяжелый разговор.

Она не приглашает сюда родителей для того, чтобы сообщить им хорошие новости: у ребенка ремиссия, инфекция побеждена, малыша можно забрать домой. В тишине этой комнаты узнают лишь самое страшное, и Лейла слышала, что ее называют «комнатой плача».

Лейла не может смягчить то, что она собирается сказать родителям Дилана, поэтому она и не пытается:

– Опухоль выросла.

Пипа громко ахает. Лейла объясняет, что сантиметровая частица опухоли, оставшаяся после операции – полностью удалить ее было невозможно, – увеличилась на три миллиметра. Она, хоть и медленно, но растет.

– Ему нужна еще одна операция? – спрашивает Макс.

Он мрачнеет, а Пипа прикусывает нижнюю губу изнутри. Оба в ожидании наклоняются вперед, надеясь, что Лейла предложит им что-то новое – то, чего они еще не пробовали.

Что-нибудь такое, что поможет сыну.

– Опухоль находится слишком близко к стволу головного мозга, – тихо говорит Лейла, зная, как мучительно для них каждое ее слово. – Дальнейшее вмешательство сопряжено с очень большим риском для жизни.

– Тогда химиотерапия?

Лейла поочередно смотрит на каждого.

⁴ Фут – мера длины, соответствующая 0,3048 метра. Таким образом, рост приблизительно равен 1 м 83 см. (Прим. ред.)

– Мистер и миссис Адамс, повреждение мозга Дилана имеет обширный характер. Состояние мальчика не изменится, дальнейшее лечение поможет лишь выиграть немного времени, и мы должны сбалансировать это лечение с качеством его жизни.

За дверью слышатся чьи-то шаги и приглушенный смех.

– Что вы имеете в виду? – шепчет Пипа.

У Лейлы к горлу подкатывает комок. Когда она училась на медицинском факультете, одна из студенток волновалась, что не сможет справиться с эмоциями и расплачется, сообщая пациентам плохие новости. Преподаватель посоветовал ей, вместо того чтобы смотреть собеседнику в глаза, сосредоточиться на его переносице.

«С их точки зрения, вы все еще смотрите прямо на них, – объяснял он. – Но вы не увидите их глаз, и их эмоциональная реакция вас не затронет».

Но Лейле всегда казалось, что это сродни обману. Она смотрит Пипе в глаза. Та чуть заметно трясет головой. «Нет, нет, нет, нет, нет...»

– Я прошу вас принять решение относительно дальнейшей судьбы Дилана.

У Пипы вырывается стон. Он рождается где-то в глубине ее существа и рвется через приоткрытые губы, пока у нее не перехватывает дыхание.

– Я знаю, что вы с самого начала боялись именно этого, но мы сделали все, что было в наших силах.

– Сколько он проживет без лечения? На что мы можем рассчитывать?

Голос Макса звучит так громко, что Пипа невольно вздрагивает.

Это то, что хотели бы знать все родители, но на этот вопрос им не ответит ни один врач.

– Никто не может сказать наверняка. Конечно, мы облегчим ему существование – снимем боли, возможно, проведем еще один курс химиотерапии. Но все это паллиативные меры, они лишь облегчат симптомы, чтобы ребенок не страдал.

– Сколько?

– Несколько недель. Самое большое, три месяца.

Глаза Лейлы как два жала. Надо держаться. Она не имеет право потерять самообладание.

– А если мы продолжим лечение? – спрашивает Пипа, захлебываясь слезами. – Еще одна операция. Химиотерапия. Радиотерапия. Что тогда?

Лейла чуть колеблется.

– Возможно, это добавит ему еще несколько месяцев. Даже год, а может быть, и больше. Но даже при самом агрессивном лечении Дилан проживет не более двух или трех лет, и степень неврологических нарушений у мальчика говорит о том, что он будет глубоким инвалидом.

Пипа закрывает глаза, лицо ее искажается страданием, она судорожно сжимает кулаки.

– Многие люди с инвалидностью ведут вполне полноценную жизнь, – резко бросает Макс, словно цитируя социальную брошюру.

И он прав. Конечно же, он прав.

– Дилан полностью парализован. Он вряд ли сможет ходить, говорить, глотать и контролировать свой мочевой пузырь и кишечник. Без лекарств он будет испытывать постоянные боли. И вряд ли когда-нибудь осознает, что происходит вокруг. То есть он будет полностью зависеть от вас.

Пипа медленно поднимает глаза и морщит лоб.

– Но ведь мы его родители. Это наша забота.

– Сейчас онкологические заболевания исследуются больше, чем любые другие, – говорит Макс. – Появляются новые лекарства и методы лечения.

– Да, – соглашается Лейла.

– И есть случаи чудесного исцеления.

Лейла молчит. Она не верит в чудеса, только в науку, лекарства и МРТ-сканирование. Ей кажется, что Дилан уже достаточно настрадался. Но решение принимать не ей.

– Слепые люди пишут книги, безрукие рисуют картины ногами.

– Да.

– Инвалиды делают немыслимые вещи.

– Да.

Наклонившись вперед, Макс испытующе смотрит на Лейлу.

– Вы сказали, что Дилан *вряд ли* будет ходить. Значит, точно вы этого не знаете?

Лейла колеблется. Она уверена, что Дилан Адамс никогда не будет двигаться. Но стопроцентной гарантии она дать не может.

– Нет.

Макс встает, Пипа следует за ним, и Лейле ничего не остается, кроме как подняться тоже.

– Тогда мы продолжим лечение.

– Ну, чем у вас кончилось дело?

Ник и Лейла идут к стоянке, и ей приходится почти бежать, чтобы поспевать за его широкими шагами.

– Я дала им несколько дней, чтобы они подумали об этом и задали мне любые вопросы, а потом сами решили, что лучше для их сына.

Из родильного отделения выходит мужчина, в каждой руке у которого по детскому автомобильному креслу с живыми свертками. Изо всех сил напрягая руки, он старается держать кресла так, чтобы они не бились о его ноги. За ним осторожной походкой недавно родившей мамы идет миниатюрная блондинка. Лейла улыбается новоиспеченным родителям, и те сияют в ответ. На их лицах смесь гордости и страха – теперь не акушерки, а только они отвечают за благополучие своих детей. Сегодня отец поедет домой медленнее, чем когда-либо ездил, а мать усядется на заднем сиденье между своими младенцами и не спустит с них глаз, боясь пропустить малейший тревожный симптом.

Лейла с Ником ныряют в проход между родильным отделением и лабораторией, чтобы выйти к узкому зазору в живой изгороди, через который можно покинуть территорию больницы, сэконобив минут пять. Они направляются в «Королевский герб», паб по соседству с больницей, где вечно толкуются медики, забежавшие после работы выхватить пинту пива или выпить перед дежурством чашечку кофе без кофеина. Вообще-то Лейла сейчас должна быть в другом месте – ее подруга Руби отмечает сегодня день рождения, – но перед выходом во внешний мир ей требуется снять напряжение.

Ни один из них не берет для себя алкоголь. Лейла не употребляет его совсем, а Ник сейчас на дежурстве. Поэтому, заказав две чашки кофе, они несут их к свободному столику, где Ник задумчиво смотрит на Лейлу:

– А какого решения ты хочешь от них сама?

У Лейлы тяжело на сердце. «Хочешь» – неверное слово. Она вовсе не хочет ставить родителей Дилана перед мучительным выбором. Но в ее работе таких ситуаций не избежать.

– Мне кажется, они должны его отпустить, – наконец произносит она.

За дверью слышится громкое женское гоготанье. Все говорят одновременно. «Перианальный абсцесс... она все время дергалась... Мы были все в гною!» Потом они заказывают вино. «Большой бокал или маленький? Конечно, большой!» И стоят у бара, пока не нальют всем.

– А если они так не думают? – Ник делает паузу, чтобы придать вес словам, которые собирается сказать. – Ты подумала, что будешь делать дальше?

Мать Лейлы пыталась понять роль Ника в жизни Лейлы.

– Он твой учитель? – все время спрашивала она. – Ты опять учишься?

– Я учусь непрерывно, мама. Но он не учитель. Он мой наставник.

«Ты подумала, что будешь делать дальше?»

За все время, что Лейла была знакома с Ником, он ни разу не давал ей ответов. Он лишь задавал вопросы. Спрашивал, что она думает, и ободрял ее. «Вот видишь, ты и сама знаешь, что делать». Всегда, когда Лейла обращалась к Нику за советом, она уже знала ответ сама.

До сегодняшнего дня.

Ее молчание говорит само за себя. Опустив глаза, она смотрит на свой кофе.

– Тебе нужно над этим подумать, – мягко, но настойчиво произносит он.

Наверное, к Руби идти уже поздно. К тому же из нее сегодня плохая компания.

– Ты голоден? – спрашивает она прежде, чем успевает остановить себя. – Может быть, поужинаем вместе?

Повисает неловкое молчание. Потом Ник дружески улыбается, что еще хуже, чем молчание, потому что ясно, что он боится ее обидеть. Лейле хочется залезть под стол и исчезнуть.

– Мне надо идти. Дела семейные.

«Дела семейные». Его жена.

– Ну, конечно, – вспыхивает Лейла.

Она вовсе не хотела...

Или все-таки хотела?

– Как-нибудь в другой раз.

– Обязательно.

Она торопливо встает, ударяясь о стол.

Исчезнуть.

– Все равно я должна быть на вечеринке. Во всяком случае, мне нужно хотя бы показаться.

Сигнал телефона, оповещающий о пришедшем сообщении, приходит как раз вовремя, и Лейла счастлива чем-то занять руки. Номер ей незнаком.

«Лайм с содовой!»

Джим наконец догадался, какие витамины предпочитает Лейла. На следующей неделе он хочет пригласить ее в бар.

«Почему бы и нет?» – набирает она ответ.

Ресторан полон, и Лейла не сразу находит стол подруги.

– Извини, задержалась на работе, Руби.

– Ничего страшного, – чуть натянуто улыбается та. В последнее время она слишком часто слышит эту отговорку.

Есть причина, почему врачи и медсестры предпочитают общаться, заводить романы и семьи в своем кругу – меньше объяснений, и не нужны извинения.

Руби пододвигается так, чтобы Лейла могла протиснуться на скамейку рядом с ней. Лейла целует мужа Руби, машет Скотту и Дэнни, которые беседуют на другом конце стола, и оглядывается в поисках знакомых. За столом собралось около дюжины гостей, пришедших отметить сорокалетие Руби. Она была первой, с кем познакомилась Лейла, когда приехала в Англию, чтобы получить степень магистра гуманитарных наук. Руби, испытав то, что она называла «кризисом среднего возраста», бросила вполне надежное и безопасное бухгалтерское дело и, получив постдипломное свидетельство, стала преподавателем естественных наук. Через восемь лет она доросла до заместителя директора школы, что, по мнению местной газеты, было «серьезным испытанием», и теперь ее светская жизнь ограничивается лишь праздниками и каникулами.

– Сейчас подадут десерт, – сообщает она Лейле.

Все уже покончили с горячим, и со стола убрали грязную посуду, оставив на усеянной пятнами скатерти лишь тарелки с оливками. Лейла заказывает мохито и обмакивает кусочек оставшегося хлеба в бальзамический уксус. Атмосфера вокруг наполнена звяканьем прибо-

ров и оживленными разговорами, прерываемыми взрывами смеха. Громкого и беззаботного. Лейла оглядывает зал. За центральными столиками под большими люстрами сидят в основном компании: шумные девичники и запоздалые рождественские посиделки. По краям разбросаны небольшие столики, где в романтическом полумраке ужинают парочки. Пожилая пара, одетая, вероятно, для похода в театр, проверяет часы и поспешно оплачивает счет. Жизнь, полная любви, счастья и развлечений. У Лейлы перехватывает горло, и она с трудом глотает свой хлеб. Интересно, что сейчас делают Макс и Пипа и что они в конце концов решили.

– У тебя все в порядке? – спрашивает Кирсти, учительница, работающая вместе с Руби.

– Тяжелый день на работе.

– И ты говоришь это мне! Мой класс ждет от меня, что я устрою им пробный экзамен по истории, одного повторения им мало!

– И как же они его сдадут?

На лице Кирсти появляется самодовольное выражение.

– Как обычно! Отличники и двоечники получают то, что заслуживают, а те, что в середине, получают пинка под зад, чтобы должным образом подготовиться к основному экзамену. Если, конечно, они не хотят упустить свои шансы на место в университете.

Глотнув из бокала, она добавляет:

– Сплошная головная боль!

У Лейлы вибрирует телефон. Она проверяет экран на случай, если это с работы, но видит, что сообщение от Джима, который уточняет время их встречи.

– О, у тебя свидание? – интересуется Руби.

Лейла кладет телефон экраном вниз.

– Так, пустяки.

– Да ладно тебе, не будь такой.

Руби хватается за телефон, и Лейла мгновенно взрывается – сказывается напряжение тяжелого рабочего дня:

– Черт бы тебя побрал, Руби!

За столом на долю секунды повисает тишина, после чего шум разговоров возобновляется.

– Извини меня, Руби, – говорит Лейла, дотрагиваясь до руки подруги.

– Трудный день?

Лейла кивает. Она хочет поговорить об этом с Руби, но ее муж кладет вилку и наклоняется над столом:

– Вы слышали о переэкзаменовке по биологии? Наши аттестаты уже ничего не стоят.

Разговоры прерываются общим вздохом негодования.

Лейла обменивается взглядом солидарности с Дэнни – журналистом и единственным в компании, кто не имеет отношения к преподаванию.

– Хотел бы я, чтобы мой французский аттестат ничего не стоил, – произносит кто-то. – Тогда у меня был бы шанс поменять это дерьмо.

Все дружно смеются, а Лейла, откинувшись на спинку скамейки, вспоминает о Дилане. Покидая сегодня отделение, она задержалась у палаты № 1. Дверь была открыта, и она увидела, как Кили Джекобс из отделения общей педиатрии нежно покачивает на руках Дарси, жадно сосущую из бутылочки. Лейла уже собиралась уходить, когда монитор Дарси вдруг суматошно запищал. Кили ловко вытащила бутылочку и, дождавшись, когда дыхание у девочки стабилизировалось, снова поднесла ее к губам Дарси. Поймав взгляд Лейлы, она улыбнулась.

– Глаза у этой крошки больше, чем желудок.

Дилан спал на средней кровати, окруженный клубком из трубок и проводов. Из его ноздри тянулась тонкая питательная трубка, а на обеих ручках торчали канюли, позволяющие быстро добраться до вен. Рядом с ним сидели Пипа и Макс. Их стулья были тесно сдвинуты, и

Пипа прижалась к мужу, а он крепко обнимал ее за плечи. Они даже не подняли головы. Они не видели ни Лейлы, ни ее слез, которые она не успела смахнуть.

– Что произошло?

Лейла смущенно поднимает глаза. Уже принесли десерт.

– Что-то случилось на работе? – спрашивает Руби, всматриваясь в ее лицо.

Лейла молча качает головой, не решаясь говорить.

– Кто-то умер?

Лейла делает глоток, чтобы прочистить горло.

– Нет, никто не умер.

Еще не умер.

Глава 9

Пипа

Макс везет нас домой. Я сижу, зажав руки между коленями, и завидую его отстраненности – сосредоточенность на дороге не дает ему отвлекаться и думать о Дилане.

Машина Макса используется реже, чем моя. По большей части она простаивает на парковке в аэропорту, и поэтому в ней меньше следов от пикников и прогулок в непогоду. Однако, опустившись на колени и пошарив под сиденьями, я, скорее всего, обнаружу там изюм, хлебную палочку или пакет от слоеных пирожных. Рядом со мной, в кармане двери, диск с детскими песенками, а позади меня автомобильное кресло Дилана, терпеливо ожидающее своего хозяина.

Как может мой сын быть на волосок от смерти, когда вокруг меня столько свидетельств его жизни? Когда я чувствую его в своем сердце, как когда-то носила его в своем животе?

Я поворачиваюсь и прижимаюсь щекой к подголовнику, наблюдая, как городские кварталы сменяются живыми изгородями. Я проделала этот путь двести сорок два раза. Сколько еще раз я сделаю это? Сколько еще раз я здесь проеду, прежде чем мы покинем больничную палату, не поцеловав нашего мальчика на ночь и не сказав, как обычно, «до завтра»?

Я думала о смерти с того самого дня, когда Дилану поставили диагноз «опухоль головного мозга». При каждом посещении врача, при каждой консультации со специалистом, после каждого курса химиотерапии. И позже, когда у него началась пневмония и его перевели в палату интенсивной терапии, где он остался на несколько недель. Я вся сжималась в ожидании полуночного звонка: «Мне очень жаль, мы сделали все, что смогли... но он только что ушел от нас». Представляла себе реанимационную бригаду, дефибриллятор, быстрые шаги и мчащуюся по коридору каталку. «Готовься к худшему, надейся на лучшее, – сказала мне как-то Шерил. – Иначе не выдержишь». Думая о страшном звонке из больницы, я уговаривала себя, что надо быть реалистом, но это была игра в прятки с дьяволом. Беспомощная и безнадежная. «Если чего-то ждешь, то этого не случится».

Случилось.

– Это несправедливо, – тихо произношу я.

Это нечестно – просить нас, обычных людей без медицинских знаний, решать, жить кому-то или умирать. Нечестно, что в нашу безмятежную жизнь, где Дилан был счастлив и здоров, кто-то безжалостно бросил гранату.

В чем мы провинились?

– Нет.

Макс, сжав зубы, вцепляется в руль так, что белеют костяшки его пальцев. Он бросает взгляд в зеркало заднего вида, словно пытаясь увидеть там Дилана, сидящего в автомобильном кресле. Дилана, который без перерыва бормочет что-то едва понятное, смешивая реальные и выдуманные слова. Тычет пальцем в лошадей, тракторы и грузовики, проносящиеся за окном, и, получая массу удовольствия, стучит ногами в спинку моего сиденья. Однажды я даже шлепнула его, чтобы он уговорился, и воспоминание об этом – будто удар в солнечное сплетение. Если бы я только знала... Я вспоминаю, как локоны падали ему на глаза, потому что я не решалась отвести его к парикмахеру. Это означало бы, что он уже вырос, а я все еще считала его младенцем. А потом его волосы выпали всего за несколько дней.

– Когда они отрастут, я отведу тебя к самому лучшему парикмахеру, – сказала я ему тогда. – Ты откинешься в большом кресле, а он будет мыть твои волосы. А потом возьмет свои

острые ножницы и осторожно их подстрижет. А когда он станет подравнивать их машинкой, тебе будет немного щекотно.

Я закрываю глаза.

– Что нам делать?

Макс мотает головой, но я не знаю, то ли это его ответ, то ли смятение, то ли просто нежелание говорить об этом. Я затихаю и молча смотрю в окно. Но слезы наполняют мои глаза, они текут по щекам, и рыдания начинают душить меня. Я судорожно втягиваю воздух, но выдохнуть не могу. Голос Макса звучит, будто под водой, а я задыхаюсь, задыхаюсь, задыхаюсь:

– Пипа, успокойся! Успокойся!

Но сам он далеко не спокоен. Положив одну руку мне на колено, другой он удерживает руль, а я все еще не могу дышать, не могу дышать...

– Пипа!

А потом Макс останавливается у дороги, глушит мотор и, не отстегнув ремень безопасности, неловко пытается меня обнять. И в свете фар встречных машин я вижу, как все мои чувства отражаются на его лице.

– Я этого не вынесу, Макс.

– Ты должна держаться. Мы оба должны.

Макс плачет.

Я никогда не видела Макса плачущим. В день нашей свадьбы его глаза блестели от эмоций; когда родился Дилан, ком в горле мешал ему говорить. Но его слез я не видела ни разу.

Мои собственные затворы открылись только с рождением сына и больше уже не закрывались. Трогательные истории, благотворительная реклама, фильмы с Ричардом Куртисом. Встречи, прощания, нежные слова. Макс всегда подшучивал над моей плаксивостью.

– Какая прелесть, – говорил он, когда я пускала слезу над *той* сценой в «Четырех свадьбах». – Ты у меня просто чудо.

В такие моменты он чувствовал себя моим защитником, настоящим альфа-самцом.

Сейчас он плачет, закрыв глаза, и слезы текут по его щекам, но это неправильно – Макс всегда был сильным. Этого просто не может быть. Я хочу вернуться в прошлое на год назад, когда все еще было в порядке, к тому времени, когда Дилан играл в саду и плавал в море на Гран-Канарии. И пусть доктор, который его осматривал, скажет, что все хорошо: «Все малыши неуклюжи». И пусть я вернусь домой, чувствуя себя полной дурой, а Макс скажет мне: «Ну, я же тебе говорил».

Это не мой Макс. Мой Макс сильный, уверенный, у него все под контролем. У него сухие глаза и ясная голова. Это я вечно хнычу и выхожу из берегов. Этот Макс такой же потерянный и беспомощный, как и я.

– Я не могу... – начинаю я, а Макс снова качает головой.

– Нет. Мы не можем. Мы не сделаем этого.

Это заклинание, похоже, оживляет его, и он, резко потеряв руками лицо, выпрямляется и прочищает горло.

– Ни за что, – с решимостью произносит он.

Муж обнимает меня, и я крепко зажмуриваю глаза, чтобы не думать о решении, которое должно быть принято, не видеть этого Макса, такого же потерянного и сломленного, как я. Я просто не могу его видеть таким. Он должен быть сильным, потому что у меня это вряд ли получится.

Едва мы переступаем порог дома, как Макс открывает ноутбук. Он садится за кухонный стол, не снимая куртки и все еще сжимая ключи от машины. Я проделываю свой привычный ритуал возвращения домой: закрываю входную дверь, надеваю тапочки и включаю свет. Прочитав записку от мамы – «соус чили очень острый!», – перемещаю пластиковый контейнер из холодильника в морозильную камеру.

Дом кажется мне особенно пустым, хотя он выглядит так же, как утром и как в любой другой день, когда я возвращаюсь сюда без сына. Сегодня я чувствую, будто мы уже потеряли его.

Я бесцельно топчусь на кухне, придумывая себе занятие, затем беру из раковины тряпку и тщательно ее выжимаю.

– Что ты делаешь?

– Хочу вымыть кухню.

– Зачем?

Брызнув на стол антисептик, я начинаю тереть его круговыми движениями, которые странным образом меня успокаивают.

– Пипа.

На одной из хромированных ручек я замечаю пятно, вероятно, от кетчупа, и я будто слышу голос Фионы: «Там полно сахара, и дома я их ей не даю...» Я думаю о том ужасном пабе с Алисой, Фионой и Фиби, с их громогласными мужьями и идеально здоровыми детьми.

...Я отчаянно скребу пятно. «Черт бы тебя побрал, Фиона, с твоими ханжескими рассуждениями о сахаре». Если Дилан вернется домой, *когда* Дилан вернется домой, я буду давать ему кетчуп хоть каждый день, если он захочет. Я буду кормить его шоколадом, конфетами и чипсами, и пусть он ест, сколько влезет. Да что там, я и луну ему достану, если попросит.

Я перехожу к дверцам шкафа, которые мы точно не мыли со времени моей беременности. «Вить гнездо» – кажется, это так называется? Я была на сороковой неделе беременности и могла родить в любой день, когда решила, что до появления ребенка мне нужно вымыть весь дом и покрасить плинтусы в холле. Тогда же в последний раз я проверяла и шкаф с провизией, и сейчас там полно продуктов с истекшим сроком годности.

Я бросаю тряпку и сажусь на пол, доставая банки и пакеты с мукой, которые, плюхаясь на пол, выпускают белые облачка и недовольно вздыхают, возмущенные тем, что их потревожили.

– Пипа!

Дилан задержался на две недели, и я была размером с кита. Мои лодыжки распухли, а ребенок опустился так низко, что на осмотры к врачу я ходила вперевалку, как утка. Макса со мной не было.

– Это слишком... – он помедлил, подбирая подходящее слово, – неприглядно.

Я вытаращила глаза.

– Не глупи. А когда он родится? Это будет тоже неприглядно?

Выражение лица Макса предполагало, что это не исключено.

Когда это наконец произошло, Макс не нашел в родах ничего неприятного. И я тоже. Я знаю, что мы генетически запрограммированы забывать ужасные моменты из прошлого и помнить только хорошее, вроде дивного чувства держать на руках ребенка, в прямом смысле созданного тобой. Клянусь, только это я и запомнила. И сияющие глаза Макса.

– Сын, – сказал он. – У нас с тобой сын.

– Пипа! – Громкий окрик прерывает мои воспоминания.

Я изумленно оглядываю груды консервных банок и пакетов с рисом и макаронами.

– Их нужно выбросить, – говорю я.

– Ничего подобного.

– Нужно! Посмотри на этого тунца – он изготовлен... – Я ищу дату изготовления, но не могу ее прочитать. Впрочем, это неважно. – Сто лет назад! А эта фасоль...

– Прекрати.

– Нет, я хочу...

– Пипа, прекрати немедленно!

– Значит, ты можешь уткнуться в свой ноутбук, чтобы заниматься там бог знает чем, но я не могу убраться в кухне, когда она грязная.

– Я пытаюсь найти лечение для нашего сына!

Макс проревел эти слова, и если бы я не сидела на полу, они могли бы сбить меня с ног. Но я лишь застываю с банкой фасоли в руке. Что я делаю?

– Должно же быть что-то еще. Может, они упустили какой-нибудь способ лечения. Или еще не знают о нем.

– Но они же врачи, Макс.

Он смотрит на меня.

– И это делает их лучше нас?

– Нет, но...

Я встаю и смотрю на продукты, которые зачем-то вытащила.

– Они же специалисты.

– Они не могут быть специалистами во всем, правда? По каждому виду рака, по каждой группе крови, по каждой нервной системе?

Он продолжает говорить, скользя глазами по экрану и не переставая стучать по клавишам.

– Ты помнишь, что сказал терапевт, когда мы впервые показали ему Дилана?

«Вы лучше знаете своего сына».

– Что-то с ним не так, – сказала я тогда, ожидая, нет, отчаянно надеясь, что доктор с благосклонной улыбкой отошлет нас домой, про себя посмеиваясь над чрезмерно тревожными родителями.

После отдыха на Канарах мы не переставали суетиться вокруг Дилана. «Разве нормально так много спать? Близнецы Элисон так часто не падают. Тебе не кажется, что он слишком бледный?»

– Он какой-то не такой, – сказала я доктору. – Но, может быть, нам это только кажется.

– Вы лучше знаете своего сына, – ответил доктор, выписывая направление на обследование, и в мрачном выражении его лица отразилось наше будущее, хотя тогда я этого не поняла.

– Мы лучше знаем нашего сына, – говорит сейчас Макс. – В больнице сотни пациентов, и за доктором Халили закреплено не менее тридцати. Каждому из них она уделяет всего по несколько минут – от силы десять-двенадцать в день. Двенадцать минут. – Он мимолетно встречается с моим взглядом. – Разве может она знать о ребенке больше, чем родители, которые проводят у его кровати по двенадцать *часов* в день? Родители, которые провели почти три года, держа его за руку?

У меня кружится голова. Я пытаюсь вспомнить, когда я ела в последний раз.

– Мы должны как следует изучить этот вопрос. – Макс поднимает на меня глаза, чтобы убедиться, что я его слушаю. – При правильном лечении Дилан может прожить еще около пяти лет. Он может полностью выздороветь – о таких случаях все время пишут.

С тех пор как мы вернулись домой и Макс погрузился в поиск обнадеживающей информации, он почувствовал прилив энергии, которой так не хватает мне.

– Подумай сама: разве могут врачи найти оптимальное лечение для каждого? Учесть все особенности организма? У них просто нет такой возможности.

Теперь я вижу Макса, которого знаю. Макса в режиме поиска решения проблем. Он анализирует, ищет варианты, ничего не принимает на веру. Макс смотрит на часы:

– У нас сейчас восемь вечера... значит, в Чикаго – два, а в Вашингтоне – три.

Он встает и берется за телефон.

– Ты хотя бы куртку сними.

Он сбрасывает куртку, и она соскальзывает со спинки стула.

– Я сейчас включу отопление.

Пару месяцев назад мы остановили таймер, который включал отопление, согревающее дом с четырех до десяти вечера. Какой смысл был включать его, когда мы возвращались поздно вечером и сразу же валились в постель?

Я иду в гостиную и включаю газовый камин, ожидая, что Макс останется за кухонным столом. Но он проходит за мной и, тяжело опустившись на диван, кладет на колени ноутбук, бросая телефон рядом с собой. Я сажусь рядом. В углу комнаты стоят корзинки, в которые аккуратно сложены игрушки Дилана. В тот день, когда его положили в больницу, я прибралась в доме. Игрушки и газеты, казалось, были везде. Я усадила сына у телевизора и пронеслась по дому, наводя порядок перед отъездом, ни на секунду не задумываясь о том, что Дилан может не вернуться. Сейчас мне жаль, что я не оставила все так, как было, и пусть его игрушки валялись бы повсюду, словно он только на минуту отвлекся от игры.

– Я позвоню маме.

Макс не реагирует. Похоже, он вообще не слышит меня. Я набираю номер из детства, представляя, как мама, глядя на отца, удивленно спрашивает: «Кто это может быть?» – потому что после девяти им никто не звонит. Потом она отложит вязание и поднимет трубку.

– Это я.

Я слышу, как на том конце провода ахают.

– Что случилось?

Моя семья практически не пользуется телефоном. Мы звоним, только когда что-то случается.

Я открываю рот, но слова душат меня, и я издаю лишь тонкий звук, который заставляет Макса оторваться от экрана.

– Дилан... – выдавливаю я, сгибаясь пополам в бессловесном вопле, и Макс забирает у меня телефон.

– Карен? Нет, он жив... – Он замолкает, и я не знаю – то ли его перебивает мама, то ли он собирается с силами. – Но, боюсь, у нас плохие новости.

Из своего воображаемого кокона я смутно слышу его голос, сообщающий маме о том, что доктор Халили сказала нам утром. Макс столь же спокоен и бесстрастен, как была сегодня она. Как ему удастся совладать со своими эмоциями? Разве он не чувствует эту ужасную боль в груди? Разве он не испытывает ту же боль, что и я сейчас? Боль, которая не дает дышать. Разве это не убивает его так, как убивает меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.